

№ 21. Марковъ 1834.

13. Трои.

В. Странинский
ТВАЕСКОШЪ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Che chi ha i duo occhi, il veda!

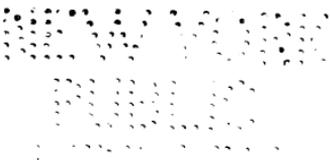
ALPIERI.

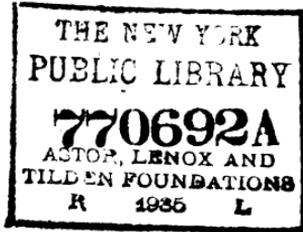

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по оппечашаніи предспавлено было въ
Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ. Москва, 1831
года, Декабря 1 дня. Ценсоръ *Серебій Аксаковъ*.

WWW
WWW
WWW

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МУЖИ АНГЛИИ.

Лордъ Грей, Лордъ Бругамъ, Лордъ Голландъ, Маркизь Ландсдаунъ, Лордъ Годеричъ, Лордъ Мельборнъ, Лордъ Окландъ, Лордъ Дургамъ, Герцогъ Ричмондъ, Лордъ Альшорпъ, Сиръ Джемсъ Грагамъ, Сиръ Джемсъ Макинтошъ, Лордъ Руссельъ, Г. Виннъ, Г. Паулетъ Томпсонъ, Г. Робертъ Грантъ, Сиръ Томасъ Денгамъ.

ЛОРДЪ ГРЕЙ,

главный казначейникъ.

Съ Греемъ умрутъ преданія о Пишпъ: не попому чшобъ онъ слѣдовалъ ученіямъ сего знаменитаго политика, но попому что соображался съ родомъ его краснорѣчія, съ его формами изложенія. Одинъ только онъ, изъ всѣхъ существующихъ нынѣ государственныхъ людей, сохранилъ гордое величіе, возвышенность слова, наружность, исполненную

Телеск. Ч. VI.

пренебреженія и пвердоспи, или спокойспвіа и самонадѣяноспи, споль приличную мужу, управляющему судьбою сильнаго государсва. Онъ не споль блестящъ, не споль глубокъ, какъ Пипшъ, копорому служилъ, пакъ сказашъ, наружнымъ Созіемъ; въ немъ никогда не проявляюся тѣ искры генія, коими были исполнены рѣчи Пипша; хопя и видно поже предуготовительное искусство, топъ же выборъ выражений, паже плавность и роскошь въ оборобахъ рѣчи. Невнимательный крипикъ легко ихъ просмошришъ. Лордъ Грей совершенно облекся въ форму краснорѣчія великаго мужа, ему предшествовавшаго: но генія его никогда никшо не наслѣдуешъ.

Помните ли какъ Пипшъ мощнымъ попрясающимъ гласомъ пробуждалъ, пакъ сказашъ, весь Парламентъ Великобританіи? Какое мгновенное дѣйствіе производили слова его! Исполинскій геній Фокса не въ силахъ былъ проптивуставъ ихъ могуществу! Оно основывалось не на иносказаніи, не на искусномъ приведеніи цитатъ, не на общихъ риторическихъ мѣстахъ: нѣшъ! пайна говорилъ кшатши, дарованіе возбуждалъ глубокія ощущенія, произникающія изъ нѣдръ политическихъ распрей, принадлежали собспвенно сему великому мужу. Оппозиціонная паршія, управляемая Шериданомъ и Фоксомъ, пребовала уничто-

женія служительскихъ мѣспъ при дворѣ занемогшаго Короля Георга III. «Что скажешь Монархъ сей», воскликнулъ Пиппъ, «когда, пробудясь опъ лепаргического сна, овладѣвшаго его чувствами, увидишь, что подданные воспользовавшись симъ сномъ, похипили у него знаки и почести его сана?» Рѣчь сія, сколь ни проспа, произвела элекприческое дѣйствіе: орапоръ коснулся чувствительной струны, и холодныя души не могли противоспать его призыву.

Не таково вліаніе на умы Лорда Грея. Онъ не обладаетъ равно той силой сарказма, тѣмъ громающимъ краснорѣчіемъ, которыми Пиппъ, въ пылу Парламентскихъ распрей, разилъ своихъ противниковъ. Сила краснорѣчія нынѣшняго перваго Министра соспоилъ въ возвышенной нравственности, проявляющейся въ рѣчахъ его, въ искренности, увлекающей слушащелей и вполне согласующейся съ его спокойнымъ лицомъ, выражающимъ честность, съ его хладнокровіемъ и важною наружностью. Часто однообразный, иногда воспорженный, онъ не сполько увлекаетъ, сколько внушаетъ къ себѣ почтенія. Природа одарила его голосомъ звучнымъ, но мало измѣняющимся; каждое слово, имъ произносимое, имѣетъ вѣсь и силу; поведеніе прямое, безприспращное, обдуманное, ни въ чемъ не опспуцающее опъ

основныхъ правилъ, вѣрное одной и той же теоріи, присоединяетъ къ вліянію, производимому дарованіемъ его на умы, уваженіе, коимъ онъ пользуется. Обращеніе его дышетъ аристокраціей, и не рѣдко высокоомѣриемъ; но это аристокрація честности и добродѣтели. Въ немъ нѣтъ ничего рабскаго; ничего, показывающаго легкомысліе или опрометчивость въ поступкахъ. Лордъ Гренвиль болѣе свѣдущъ въ исторіи и подробностяхъ Британской конспиріаціи; Лордъ Голландъ ученѣе и оспроумнѣе; Лордъ Линдгурспъ съ большею прозорливостью вникаетъ въ государственныя дѣла и пренія; Лордъ Годеричъ искуснѣе соображаетъ и соглашаетъ прошивныя партіи: но ни одинъ изъ сихъ государственныхъ мужей не пользуется, на равнѣ съ Греемъ, общимъ уваженіемъ.

Лордъ Грей, съ самаго вступленія на поприще политическое, ни однажды не уклонялся отъ предначертаннаго имъ пути. Нравъ его и образъ мыслей шверды какъ желѣзо. Онъ прошивился самому Пиппу, въ то время какъ ораторъ сей споялъ на высшей ступени могущества. Юный лѣтами, онъ ратовалъ съ преспарѣлымъ Миниспромъ; созрѣвъ, неизмѣнился, не испорчился; и нынѣ, облеченный саномъ Миниспра, вѣренъ прежнему образу мыслей, не опспунилъ отъ него ни на шагъ.

ЛОРДЪ ГОЛЛАНДЪ,

КАНЦЛЕРЪ ЛАНКАСТЕРСКІЙ (а).

Лордъ Грей принялъ за образецъ Пишпа; Лордъ Голландъ, племянникъ Фокса, представляешь слабое, блѣднѣющее изображеніе знаменитаго проповѣдника сего Минисипра, громозвучнаго Фокса. Племянникъ сходствуетъ съ дядей, какъ миніапюра съ поршретомъ.

Взгляните на Фокса. Наружность его носитъ на себѣ характеристическій отпечатокъ сангвиническаго темперамента. Подивитесь этому широкому челу, этой огромной головѣ и рѣзкимъ чертамъ, энцимъ губамъ полуоткрытымъ и выразительнымъ, этому взгляду, копорый, кажется, укрощаетъ пыль свой, чпобъ шѣмъ сильнѣе поразитъ; этому лицу простому, но необыкновенному, запечатлѣнному народностью безъ униженія до подростка, опкровенному, выразительному, мужественному, умному. Какого народнаго прибуна природа одарила большими способностями для поприща столь блистательнаго и опаснаго? Кажется, она сама начертила на этомъ многозначущемъ

(а) Въ слѣдствіе страннаго обыкновенія, Графство Ланкастерское имѣетъ донынѣ собственнаго своего Канцлера, копорый, въ сущности, важенъ не по принадлежностямъ сего званія, а потому только, что заседаетъ въ Совѣщѣ.

челѣ: «ты будешь мощнымъ поборникомъ свободы общественной.»

Всѣ сіи черты въ Лордѣ Голландѣ нѣсколько ослаблены. Въ племянникѣ видно болѣе крошечности, неопредѣленности, аристокраціи; можетъ быть оппечашокъ высшей образованности, и болѣе упонченнаго общежитія; но менѣе смѣлости, силы, оппавной энергіи. Онъ наследовалъ послѣ дяди нѣкоторую часть его краснорѣчія, и владѣеть даромъ произношенія слова простымъ, безъ искусства, безъ приговоренія, произшекающія изъ глубины души и движущія массами народа; и онъ иногда, подобно знаменишому мужу, о которомъ говоримъ, какъ бы подавляешся быспрымъ пошохомъ чувствъ своихъ и мыслей. Въ это время онъ лепечетъ, задыхаешся, прерываеш рѣчь, и, подобно жрицѣ Пиеіи, изнемогаетъ подъ игомъ слишкомъ пылкихъ ощущеній. Какъ пошъ, пакъ и другой чужды, мѣлочей, коими риторы изпещряютъ свои произведенія, чужды изысканнаго оспроумія; въ ихъ мысляхъ и выраженіяхъ господствуетъ свѣжешъ, естественность, величіе, внутренняя самоувѣренность, глубокое здравомысліе. Но реній Карла Фокса обрашился въ дарованіе въ племянникѣ. Сей послѣдній не сполько самобытенъ, не сполько самопроизволенъ. Въ рѣчахъ его обнаруживаешся желаніе подражать дядѣ.

Все, что было слишком смѣлаго и безпорядочнаго въ краснорѣчїи Фокса, исчезло въ Лордѣ Голландѣ: низкій, сбивчивый слогъ, коимъ упрекали перваго, совершенно не замѣненъ уже въ рѣчахъ послѣдняго. Словомъ, въ немъ нѣтъ дарованія и нѣтъ недоспапки, но слабѣе; нѣтъ склонности, но нѣсколько исправленныя; нѣтъ народности, но представляющаяся не въ столь яркомъ свѣтѣ.

МАРКИЗЪ ЛАНДСДАУНЪ,

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ СОВѢТА.

Эпо изъ числа тѣхъ людей, кои съ перваго дѣтства показывають великія дарованія, не перестаютъ много обѣщать во всю жизнь и, какъ сказать, находясь между совершенствомъ и посредственностью, перяются наконецъ въ послѣдней. Въ 1806 году онъ былъ Канцлеромъ Казначейства. Судя по нѣкоторымъ признакамъ можно было заключить, что онъ со временемъ будетъ имѣть дарованія, необходимыя для челоука государственнаго. Ожидали исполненія сей надежды, но тщетно. Умѣренныя Виги избрали его главою. Враждуя Торисамъ (а), онъ обратился на

(а) Симвъ именемъ означающа въ Англіи тѣ, кои держать сторону аристокраціи.

себя ихъ ненависть; принужденный къ умѣренности въ нападеніяхъ, не былъ любимъ реформашами. Онъ плавалъ межъ двухъ водъ (а). Это несчастное положеніе совершенно лишило его народной привязанности.

Отсюда его многословное краснорѣчіе, вооруженное, съ одной стороны общими мѣстами либерализма, съ другой, общими же мѣстами аристокраціи. Рѣшившись отражать вмѣстѣ приязаніи власни и народа, онъ обратился на себя стрѣлы обѣихъ враждующихъ споронъ. Это не дозволило ему прямо и вполнѣ ополчиться ни за выгоды престола, ни за выгоды народа вообще.

Сіе двусмысленное положеніе подавило дарованія Маркиза при самомъ ихъ развитіи. Его упрекають темнымъ, неопредѣленнымъ, запутаннымъ изложеніемъ мыслей; онъ очевидно старается болѣе прикрывать, нежели выражать мнѣнія свои словами. Не поражая умовъ краснорѣчіемъ опкровеннымъ, прямымъ, онъ одѣвается въ двусмысленныя фразы благородныя виды свои и обширныя намѣренія. Горе государственному мужу, положеніе котораго не совершенно чисто и ясно обрисовывается!

(*) Англичане выражаютъ положеніе Государственнаго чело­вѣка, щадящаго обѣ паршіи, между коими находишься, сильнымъ и оскорбительнымъ словомъ: *a trimmer*.

Сіе несчастіе, лишая его довѣренности всѣхъ партій, неминуемо должно ослабить дѣятельнѣйшую его силу. Возвышенность души Марквиза Ландсдауна и опытами доказанное безкорыстіе едва могли защитить его отъ сей опасности.

ЛОРДЪ ГОДЕРИЧЪ,

СЕКРЕТАРЬ КОЛОНИЙ.

Имѣвъ прежде сподвижниковъ, неодинаковыхъ съ нимъ правилъ, Лордъ Годеричъ былъ нерадивъ и почти безполезенъ, доколѣ участвовалъ въ шапкомъ правительствѣ (а). Нынѣ, кажется онъ оживаетъ; его честность умъ нашли сферу, имъ приличную.

Джон-Буль (б) не имѣлъ вѣрнѣйшаго представителя, какъ Г. Робинзонъ, который былъ извѣстенъ подъ именемъ Робинзона-Благодеяствія (Robinson-Prosperity) (в), доколѣ шипуль Пера не преобразилъ его въ знающаго вельможу. Его мѣщанское добросердечіе, его все-

(а) Последнее Министерство, управляемое Веллингтономъ, полулиберальное въ своихъ правилахъ.

(б) Прозвище народа Англійскаго, или лучше, мѣщанскаго его класса.

(в) Робинзонъ, попомъ Лордъ Годеричъ, въ рѣчахъ своихъ часто употреблялъ слово: *prosperity*.

лая простота соспавляють забавную пропировположность съ надменностію и важностію Лорда Грея. Народъ, видѣвшій въ немъ ошличнаго человекъ, не можетъ привыкнуть сморѣть на него какъ на Лорда. Онъ въ Парламентѣ говоритъ, а не декламируетъ. Краснорѣчіе его состоить въ изложеніи мыслей, въ разговорѣ до того простомъ, что слушапель гоповъ почестъ его вовсе не важнымъ; это простое здравомысліе, переведенное на Англійскій языкъ. Въ немъ нѣтъ ни порывовъ, ни искусства; мало силы, ни пѣни изыскаемости. Вы скажете: это ошкупщикъ, полкующій у ношаріуса о продажѣ угодій и сбора хлѣба съ полей. Такой человекъ, сдѣлавшійся Министромъ, есть аномалія нашего времени. Онъ знакомъ съ событіями; сужденія его вѣрны, правила точны; недавно разсуждая о долгахъ государственныхъ, онъ доказалъ, что совершенно вникъ въ сей прудный предметъ. И что же? Именно по причинѣ этой наружной простоты, этого незнанія формъ краснорѣчія, этого ошсуществія пригошповленій и поржественности, Лордъ Годеричъ, никогда—покрайней мѣрѣ такъ мы думаемъ—не будетъ считаться государственнымъ человекомъ: онъ можетъ имъ сдѣлаться, но едвали прослыветъ таковымъ въ глазахъ легкомысленной публики.

ЛОРДЪ ДУРГАМЪ,

ЛОРДЪ ХРАНИТЕЛЬ ПЕЧАТИ.

Способности его занимають среднее мѣсто между рѣшишельнымъ дарованіемъ и существовою посредственностію. Онъ почти искусень, почти краснорѣчивъ. Англійскія го-спинныя изобилують сими полузамѣчательными людьми, пріятными въ разговорѣ, ловкими въ обращеніи, съ изрядными свѣденіями, покровительство коихъ имѣеть нѣкоторый вѣсъ. Чпобъ хвалишь ихъ по справедливости, должно хвалишь одними лишь уменьшительными, приблизительными словами: счастливая легкость, гибкость нрава, большой навыкъ въ свѣпскомъ обращеніи, содѣйствіе парикмахера и поршняго, нѣкоторая способность къ умственнѣмъ занятіямъ и швердая память выводяшь ихъ изъ обыкновенной толпы, не возвыщая до великихъ мужей. Лордъ Дургамъ (аяль Лорда Грея) никогда не перешагнешъ пространства, отдѣляющаго его отъ сихъ послѣднихъ.

ЛОРДЪ МЕЛЬБОРНЪ,

СЕКРЕТАРЬ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Лордъ Дургамъ умѣлъ воспользоваться искусствомъ и свѣденіями, весьма ограниченными:

Лордъ Мельборнъ, напротивъ долго нерадѣлъ о громкой славѣ, долго оспаивалъ въ дремопѣ способности, нужныя его опечесиву. Опнешти ли по къ нерадѣнію, легкомыслію, самоотверженію, безопасности? Нѣтъ: это результатъ порока, слишкомъ общаго въ наше время и столько важнаго, что не лзя умолчать о немъ.

Вѣкъ нашъ очевидно поверхностенъ. Омъ не имѣетъ недостапка въ просвѣщеніи; но лучи его, вмѣсто того чтобы сосредоточиваться, дробятся на часпи. Ученіе глубокое, спроеое, опчечистое, нынѣ рѣдко. Мы читаемъ всѣ книги, не подводя ихъ подъ одну систему: бѣгло пробѣгаемъ, слегка касаемся всѣхъ наукъ и всѣхъ вообще предметовъ. Сія послѣдовательность неправильныхъ порывовъ не можетъ произвести полезнаго результата. Мы имѣемъ людей, которые знаютъ всего по немногу, но не имѣемъ истинно ученыхъ, исключительно посвятившихъ себя основательному ученію. Мы забываемъ, что всякаго рода совершенство есть плодъ перѣнія и постоянно усурменнаго вниманія на одинъ и тотъ же предметъ. Не суживайте границъ вашихъ занятій, но давайте имъ средобѣжное направленіе къ одной цѣли. Къ ней должно все спремипься. Безбоязненно обрубайте бесполезныя вѣтви, испощающія сокъ дерева.

Органическое, но мощное, глубокое преобладание однимъ предметомъ несравненно лучше множеству мелкихъ понятий и бесполезныхъ свѣдений. Изъ сей-то справки къ ученію поверхностному произшло пагубное шарлатанство: тонкіе, легкіе, едва замѣтные листки серебра и золота замѣнили массивные слитки. Таланты какъ будто расплываются; и сколько выигрываютъ въ наружномъ пространствѣ, столько теряютъ въ отношеніи къ прочности и внутреннему достоинству.

«Часто», говоритъ Газлишъ, «обладающій тайной выражаетъ мысли свои живо и оригинально,» часто самыя дѣлательныя, самыя высшія способности спановаясь жершвой эшой пагубной заразы умовъ. Онѣ испощаются въ начертаніи, такъ сказать, географическаго плана тому пространству, которое пройши намѣреваются; не способны ни оспановиться, ни слѣдовать прямымъ путемъ и спремиться къ цѣли; дѣлательны, но безъ пользы; болѣе безпокойны, нежели прудолобивы, и всегда увѣрены, что исполнили предпринятое, довершили начатое. Дѣйствіе едино, мысль многообразна и безконечна. Мысль неплодотворная, но вспомоществуемая дѣлательностью быстрой и рѣшительной, можетъ имѣть сильное вліяніе. Мысль богатая, мощная

сама по себѣ, но не подкрѣпляемая дѣйствіемъ, остаётся безплодна.»

Лордъ Мельборнъ съ юныхъ лѣтъ предался этому пагубному своеволю ума непоспоянаго. Будучи Епикурейцомъ и человекомъ свѣтскимъ, онъ болѣе помышлялъ о забавахъ, нежели о образованіи ума. Его превзошли люди менѣе его одаренные способностями. Осыпанный похвалами Фокса, предсказывавшаго ему блестящую будущность, онъ не спарался заблаговременно осуществить сіе предсказаніе. Наконецъ, когда потребовали обспояпельспва, изумленная Англія увидѣла, что лѣность сія и безпечность скрывали знаменитѣйшаго орапора, отличнѣйшаго во всей Великобританіи государственнаго мужа.

ЛОРДЪ ОКЛАНДЪ,

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ.

Для чего Предсѣдатель Торговли засѣдаетъ въ Палатѣ Перовъ? Настоящее мѣсто его въ Нижней Палатѣ. Подобно Канцлеру Казначейспва, онъ не на своемъ мѣспѣ среди Перовъ. Мы замѣчаемъ мимоходомъ это проповорѣчіе и ошибку Англійской Конспишущици.

Лордъ Окландъ, родсввенникъ Бруггама, вспунилъ въ должность свою по предспа- шельству сего Миниспра. Доселъ онъ не былъ извѣстенъ ни по краснорѣчію, ни по дѣліямъ. Лордъ Окландъ есть одинъ изъ основателей и подпоръ Лондонскаго Университета, который имѣетъ, какъ извѣстно, либеральное направле- ніе, и которому Лордъ Бруггамъ, ревностнѣй- шій разпространитель просвѣщенія въ Англіи, предназначалъ планъ и положилъ основаніе.

ГЕРЦОГЪ РИЧМОНДЪ,

главный начальникъ почтъ.

Членъ Минисперства, управляемаго Лор- домъ Веллингтономъ, Герцогъ Ричмондъ за- нималъ въ партіи Торисовъ такое же мѣсто, какъ Маркизь Ландсдаунъ между Вигами. Ода- ренный душой рыцарской, сердцемъ благород- нымъ, но съ правилами совершенно прошивупо- ложными тѣмъ, кои имѣетъ и поддерживаетъ Лордъ Грей, онъ обязанъ всеобщей молвѣ о его безприсраспіи, оправдываемой всей его жиз- нію, тѣмъ уваженіемъ и пою довѣренностію, котороря питають къ нему самые его прошив- ники въ дѣлахъ политическихъ. Избраніе его въ подпоры правленія, приносишь честь Лорду Грею. Справедливое уваженіе, возданное та- кимъ образомъ честности есть пріятное но- вовведеніе.

Какъ не почтими одного изъ безкорыстныхъ людей нашего времени, мужа, котораго ни старинная дружба съ Лордомъ Веллингтономъ, ни голубая лента, кою дворъ наградила его за услуги, ни всѣ прелести могущества, не могли на одно мгновеніе совратить съ прямого пути, и который пожертвовалъ общественному благу своими старинными предрассудками, кои забываютъ шакъ трудно?

ЛОРДЪ БРУГГАМЪ И ВО (а),

ЛОРДЪ КАНЦЛЕРЪ.

Заклучимъ рядъ Перовъ Королевства, Членовъ нынѣшняго Кабинета, именемъ достопримѣчательнѣйшаго орапора нашего времени. Не будемъ изслѣдовать способностей Лорда Бруггама къ дѣламъ политическимъ и государственнымъ; будущая жизнь его по открыта. Но обратимъ вниманіе на его пропекшую жизнь, основавшую его славу. Принявъ званіе Министра, Лордъ Во, выступаетъ на новое поприще. Генрихъ Бруггамъ, Членъ Нижней Палаты, выше всѣхъ Членовъ Верхней Па-

(а) Онъ получилъ названіе Лорда Барона де Во, вмѣстѣ съ саомъ Канцлера Англіи. Канцлеръ по званію своему есть Предсѣдатель Высшей Палаты; и пошому мѣсто сіе дается не иначе какъ Перу.

лапы: счастливь будетъ онъ, если трудноспи, неразлучныя съ новой его обязанностию, не помрачатъ прежней его славы; если глава оппозиціи, исконный предсавитель привилегій народныхъ, не затмитъ Великаго Канцлера Англии!

Никогда, ничто не превозходилъ его въ умственныхъ способностяхъ, перпѣнии, швердосии, умѣнии съ пользою употреблять время. Не лзя не дивиться постоянной энергіи его ума и не ставить ея въ образецъ каждому, подвижающемуся на поприщѣ славы и могущества. Какъ адвокатъ, онъ не утратилъ ни одного дня, какъ Членъ Парламента, одинъ сдѣлалъ болѣе предложеній и выдержалъ болѣе преній, чѣмъ всѣ прудолобивѣйшіе его сочлени. Кабинетныя занятія не отвлекли его отъ дѣлъ политическихъ: онъ былъ неутомимъ съ юныхъ лѣтъ.

Враги упрекають его честолюбіемъ; упрекъ сей кажется намъ неосновательнымъ. Столь необыкновенныя способности и дѣятельность оправдываютъ его въ глазахъ нашихъ. Бругамъ желалъ не народности, но славы, и спяжалъ ее. Онъ всегда былъ чуждъ корыстолюбія. Конечно онъ спарался возвыситься надъ черною, заслужить довѣренность, приобрести власть, неопъемлемое достояніе генія; но порицать его за то значитъ порицать

всѣхъ великихъ мужей. Брошенный на бурное поприще, онъ не добивался мученическаго вѣнца: одно только Христіанское смиреніе могло понудить Св. Винценшовъ де Поль и Феяелоновъ скрывать свои добродѣтели. Смѣшно пребывашъ подобнаго самоотверженія въ сферѣ политической: здѣсь достапно уже безкорыстія, предписываемаго честию; довольно силы душевной, проптивупоспавляемой приязаніямъ власти и нападеніямъ ея клеветовъ. Предоставимъ же душамъ возвышеннымъ, полагающимъ свою награду въ славѣ и общемъ уваженіи, сіе чистое возмездіе за ихъ труды.

Бруггамъ не одаренъ красивой наружностью: въ немилвидныхъ чертахъ лица его замѣненъ только оппечашокъ дѣяшельнаго ума. Наблюдательный глазъ увидишь въ немъ шипъ мужа ученаго, не поверхношнаго, но самоспояшельнаго, наблюдательнаго, прешворяющаго способности свои въ могущество. Часто, оспановясь, смопрѣли мы на него, когда онъ сидѣлъ въ судилищѣ. Некрасивая наружность оппичала его оппъ прочихъ. Бруггамъ на мгновение оспанавливалъ безпокойный взоръ на бумагахъ, которыя держалъ въ рукахъ, и вдругъ какъ бы пораженный новой мыслью, закидывалъ назадъ голову, и предавался размышленіямъ, болѣе пламеннымъ и сильнымъ, нежели глубокимъ. Какъ бы лихорадочное движеніе попрысало его

члены; онъ перемѣнялъ мѣсто; и морщины на лицѣ, насупившіяся брови, сжатые губы, судорожное трепетаніе коздрей, показывали, какъ сильно страдаетъ онъ во время принужденнаго спокойствія, налагаемаго на него обязанностию. Ясно было видно, что для него жизнь, не давая полной воли нравственной дѣятельности, значить не жизнь. Бруггамъ имѣлъ широкій, выпуклый, болѣе обширный, нежели возвышенный лобъ; длинный, приподнятый носъ; верхняя губа его длинна; ротъ оканчивается острыми углами, иногда, полуразкрытъ; глаза малы, но исполненные живости и огня, сверкающъ молніями, когда ораторъ одушевляется; цвѣтъ лица его блѣденъ, безъ оптѣнокъ; самое лицо изрыто глубокими морщинами, оппечашкомъ непрерывныхъ, умственныхъ занятій; брови навислы, густыя, грозныя; физіономія болѣе безпокойная, чѣмъ одушевленная, болѣе подвижная, чѣмъ умная. Въ наружности этого человѣка, соспарѣвагося среди распрей Англійскаго Парламента, нѣтъ ничего нѣжнаго, привлекательнаго, пріятнаго.

Таковымъ являлся онъ въ Нижнемъ Парламентѣ, въ Палатѣ Перовъ, въ Тайномъ Совѣтѣ, въ главныхъ клубахъ Англіи, въ Палатѣ Апелляціонной—всюду, гдѣ предсояло порожество силъ ума его и краснорѣчія. Онъ всег-

да первый приходилъ, шерпѣливо ожидалъ своей очереди, проводилъ весь день въ производствѣ или выслушиваніи тяжбъ; возвратясь домой приготавливался къ новымъ битвамъ, и едва нѣсколько часовъ посвящалъ сну и отдохновенію. Онъ продолжалъ заниматься симъ и тогда, когда, по Англии раздавался уже громъ его краснорѣчія; постоянно посѣщаль судъ, гдѣ, въ одеждѣ стряпчаго, въ толпѣ своихъ собратій, состязался съ ними, и не рѣдко бывалъ побѣждаемъ. Не взирая на присраспіе къ сему званію и на превосходство силъ своихъ, онъ не всегда являлся побѣдителемъ на семъ поприщѣ: обширныя его способности не могли развиться на немъ съ полною свободой. Ловкій ябедникъ побѣждалъ его; хитрый прокуроръ распавлялъ ему сѣпи; человекъ, знакомый со всѣми темными изворотами Англійскаго правовѣденія, сбивалъ его; и случалось не рѣдко, что какой нибудь приказный, какой нибудь педантъ законоискусникъ, не способные даже достигнуть превосходства ума и дарованій Бруггама, побѣдителями исходили изъ борьбы съ симъ исполиномъ.

Бруггамъ почитаетъ себя въ существѣ стряпчимъ; онъ любитъ званіе свое; и предпочиталъ его всѣмъ прочимъ, даже тогда, когда занималъ въ немъ вѣроуказное мѣсто. За-

блужденіе эпо проиаходитъ онъ признапельности. Нельзя дивитъся этому чувству въ челоѣкѣ, котораго успѣхи на поприщѣ законоискусства возвысили надъ толпой людей обыкновенныхъ. При всемъ томъ, онъ одаренъ не пѣмъ умомъ, которъ составляетъ исключительную принадлежность законодѣдца. Виды его слишкомъ обширны и общи; онъ, слишкомъ философъ, историкъ, филантропъ: настоящее мѣсто его въ Нижнемъ Парламентѣ. На семъ поприщѣ славы своей — онъ сіяетъ полнымъ свѣтомъ.

Уже три года, какъ нѣтъ ему соперника въ эпомъ собраніи. Три года даетъ онъ въ Англіи направленіе всѣмъ политическимъ движеніямъ просвѣщеннаго либерализма. Въ иныхъ мѣстахъ онъ встрѣчалъ равныхъ себѣ и даже сильнѣйшихъ; но здѣсь, краснорѣчіе его уничтожаетъ славу адвокатовъ, писателей и мыслителей. Идите въ Палату: вы увидите тамъ подлѣ Орапора (а), челоѣка, въ спранномъ, изношенномъ, стариннаго покроя фракѣ, неподвижно сидящаго съ нахлобученной на глаза шляпой, съ креспообразно сложенными руками и поникшею головой: это Бруггамъ, предсавитель города Винчельси; это первый, по до-

(а) The Speaker. Должность его почти таже что и должность Предсавителя. Онъ есть органъ Палаты.

споинспивамъ и вліянію, изо всѣхъ сенаторовъ, соспавляющихъ первое въ цѣломъ мірѣ совѣщательное сословіе. Онъ вставалъ и все замолкало: въ самомъ жаркомъ пылу распрей, сплихнувъ, всѣ гошовились его слушать. Самъ онъ являлся всегда спрогъ и спокоенъ; первыя слова его дышали увѣренностію въ собспвенномъ могущеспвѣ, въ важности долга, на него возложеннаго. Сіе мужеспвенное, энергическое, мрачное величіе удивительнымъ образомъ приличеспвовало званію человека государспвеннаго. Какъ скоро возвышалъ онъ голосъ, даже въ неважномъ дѣлѣ, все умолкало; слушатели не пророняли ни одного слова. Онъ говоритъ медленно; изложение его просто; звукъ голоса спранный, необыкновенный; произношеніе чистое, и, пакъ сказать, размѣренное. Въ немъ никогда не видно ни смятенія, ни недоумѣнія; онъ идетъ прямо къ цѣли, не сплишкомъ возвышаетъ голосъ, особенно въ началѣ рѣчи, не поропицся и выжидаетъ удобнаго мгновения, чпобъ поразить прошивника. Съ первыхъ словъ умѣетъ онъ привлечь вниманіе: за нимъ легко слѣдовать; цѣль его очевидна; рѣчи, даже холодныя и логическія, получаютъ въ устахъ его силу: но вскорѣ спраспи начинаютъ волновать орапора; сила чувствъ возрастаетъ, и аплешь является въ наспоощемъ своемъ видѣ; на мѣсто орапора

важнаго и исполненнаго энергіи, воспасаепъ грозный геній, разящій укоризнами; неумолимый, въ коемъ нѣтъ жалоспи, которому проптивостояшь не возможно. Нынѣ, когда Палаша скудна орапорами, торжесиво Бруггама можешъ показашься легкимъ. Гдѣ шеперь Курраны, Пипшы, Шериданы, Каннинги, Плункены, копорые могли бѣ раповашь съ Бруггамомъ и выдерживашь его удары? Ихъ похипила смершь. Кругомъ Демосѣена новѣйшихъ временъ оспалась одна слабая посредспвенность, копорую онъ можешъ раздавшъ побѣдоносной пяшой, но съ коею сражашься не можешъ.

Сии пароксизмы бѣшеннаго краснорѣчія, копорымъ онъ слишкомъ часто можешъ бышь предаешься, увлекающъ его за предѣлы благоприспойности: но предаваясь имъ, онъ неподражаемо великъ. Ни одинъ изъ древнихъ и современныхъ орапоровъ не обладалъ въ щаккой степени силой сарказма и укоризны. Даже въ судилищѣ не могъ онъ укропшть себя; надбно было видѣшь, какъ онъ, прощянувь руку, поднявъ голову, украшаемый гнѣвомъ, разилъ громовой рѣчью избранную имъ злополучную жершву. И памъ, равно какъ въ Нижней Палашѣ, начиналъ онъ говоршть важно, голосомъ спрогимъ, швердымъ, исполненнымъ силы, привлекающимъ вниманіе; и памъ, са-

мыя скучныя подробности спановились занимательны въ его устахъ. Утвержденія его бывали часто ложны и спранны, но онъ казался вполнѣ увѣреннымъ въ ихъ истиннѣ. Его, какъ адвоката, записывали иногда люди, болѣе свѣдуціе и болѣе искусившіеся въ эпомъ дѣлъ; но какъ ораторъ и повѣствователь, какъ писатель и свѣпскій человекъ, онъ былъ не сравнено всѣхъ ихъ выше! Его обращенія къ присяжнымъ, полкованія и поясненія, размысленія о характерѣ и достовѣрности свидѣтелей, словомъ вся умственная и нравственная часть его званія, показывали генія, слишкомъ возвышающагося надъ всѣми изворопами судопроизводства. Тогда-то обнаруживались въ полномъ свѣпѣ глубокій умъ, его оппичающій, совершенное знаніе свѣпа и людей, которыми можетъ быть, ни одинъ правовѣдецъ и законоискусникъ не обладали въ полъ высокой степени. Сколько проникательности, соединенной съполнкой силой, предспавляло истинное чудо! Онъ оппчался всѣмъ могущесвомъ своихъ дарованій для того, чпобъ вразумлять присяжныхъ въ ихъ обязанности и повелѣвать покорнымъ ихъ разсудкомъ. Сколько же неукротимый, сколько самовластный, ясный и въ поже время исполненный спраспи, громовымъ краснорѣчіемъ усугублялъ онъ вѣсь и силу каждаго доказательства; послѣ Цицерона, кажется, ни

одинъ ораторъ въ эпоху роду не можешь сравниться съ Бруггамомъ.

Онъ обыкновенно возвышается сообразно предмету, о коемъ говоритъ. Чѣмъ сей послѣдній важнѣе, тѣмъ болѣе воспаляется его гений. Однакожь краснорѣчію его не достаешь одного: чувствительности. Онъ не умѣетъ коснуться этой пайной струны; въ рѣчахъ его нѣтъ слезъ. Онъ не возбуждаетъ ни состраданія, ни чувствительности: сіи пихія, спокойныя, нѣжныя ощущенія не находятъ въ немъ органа. Но когда онъ описываетъ ужасы угнѣненія, разитъ укоридами низость и корыстолюбіе, издѣвается надъ невѣжествомъ, предразсудками, щеславіемъ; когда доказываетъ, сколь важно просвѣщеніе и благодѣтельно его вліяніе, какъ благородна привязанность къ опечесиву, какъ возвышаетъ насъ любовь къ его независимости: тогда онъ неподражаемо, превосходно объясняетъ сіи высокія спрасти. Самъ онъ ихъ чувствуешь, и пошому излагаетъ съ возвыщенной простотою. Выраженія его гнѣва ужасны, какъ негодование добродѣтели. Но никогда съ успѣхомъ не упошреблялъ онъ нѣжнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ красокъ: пошому ли что роду его дарованія не способенъ къ нимъ, или пошому, что, можешь быть, считаешь ихъ слишкомъ слабыми и недостойными.

Университетъ Глазгоускій, Совѣтъ Лондонскаго Университета, Общество Распространенія Полезныхъ Свѣденій, Ремесленный Институтъ (а), поочередно были свидѣтелями его блестящаго, обильнаго краснорѣчія. Бругамъ, во всѣхъ рѣчахъ своихъ, обнаруживалъ новыя мысли, нападалъ на невѣжество, боролся съ деспотизмомъ, ободрялъ друзей наукъ и законовъ: онъ былъ всегда, въ равной степени

Impiger, iracundus, inexorabilis, acer.

Посвятивъ всю жизнь свою трудамъ изъ всѣхъ живущихъ нынѣ людей, онъ одинъ имѣетъ право назваться всевѣдущимъ и вмѣстѣ глубокомысленнымъ. Кругъ понятій его удивительно обширенъ, но суешности въ немъ никогда не видно. Онъ занимался всевозможными предметами, все испыталъ, обо всемъ судилъ; не знаемъ, найдется ли изъ всего, обращающаго на себя вниманіе человѣчества, что либо ему чуждое. Есть люди, болѣе его знакомые съ тою или другою частію: но никто не умѣетъ такъ выказывать свои свѣденія и ихъ результаты; никто не можетъ съ такою волшебной силой соображать ихъ и ставить на видъ. Никто не соединяетъ въ подобной степени начитанность съ знаніемъ сердца человѣческаго. Изчисливъ всѣ рѣчи,

(а) *Mechanic's institute.*

сочиненныя имъ на предметы совершенно различные, сложные, темныя, исполненныя мѣлочныхъ подробностей, нельзя не удивиться, какъ могъ человекъ совершенно посвятившій себя занятію столь многотрудному — не говорить уже, вполне изслѣдовавъ сіи разнообразныя, важныя предметы — даже обратиться на нихъ самаго малѣйшаго вниманіе. Легкобы было объяснить сіе дивное явленіе, еслибы рѣчи, о коихъ мы говоримъ, были просто возгласы напыщенные и пустыя. Нѣтъ: онъ изобилуетъ всякаго рода фактами; это анализы, разсужденія длинныя, исполненныя глубокомыслія и философіи; ихъ достоинство не въ одной пылкости воображенія и ума. Еслибы даже матеріалы сіи представлены были безъ искусства, безъ таланта, безъ приложений, и тогдабы собраніе столь важныхъ документовъ должно было обратиться на себя особенное вниманіе и заслужить всеобщую благодарность.

Въ 1828 году, произнесъ онъ рѣчь о измѣненіи Англійскихъ законовъ, показывающую обширность его ума. Въ продолженіе цѣлыхъ шести часовъ, онъ развивалъ во всѣхъ подробностяхъ, во всей сложности, строгое, въ иныхъ отношеніяхъ можетъ быть ошибочное, но блестящее и удивительно точное обозрѣніе полной системы Англійскихъ законовъ. Ни одно событіе не ускользнуло отъ

его вниманія, не забыто имъ; дѣятельная наблюдательность его обняла все: попомъ, въ концѣ сего испоминскаго пруда, одушевившись и воспаривъ безъ всякаго принужденія, до крайней высоты краснорѣчія, онъ восклицаетъ:

«За меня или противъ меня будутъ Министры, не знаю! Исполненный упованія, обращаюсь единственно къ Палатѣ; она подвергаетъ Министерство опчету и подаетъ мнѣ руку помощи. Если я увлекся слишкомъ далеко, пусть она меня остановитъ; если порывъ мой слишкомъ быстръ, пусть укропитъ его. Но безъ сомнѣнія она великодушно, ревностно поддержитъ меня въ величайшемъ, полезнѣйшемъ дѣлѣ, когда либо предпріятю законодательномъ. Поприще намъ опверзто; пусть предачерпаетъ и славенъ. Идите по немъ. Передайте имя свое грядущимъ поколѣніямъ; это опъ васъ зависитъ: въ будущности уготована вамъ слава чистѣйшая, полезнѣйшая той славы, которую спяжали наши предшественники, подвизавшіеся въ сихъ спѣнахъ. Вы были свидѣтелями, какъ знаменитѣйшій воинъ нашего вѣка, покоришель Испалии, гроза Сѣвера, побѣдитель Германіи, менѣе дорожилъ чудесными своими побѣдами, нежели симъ торжествомъ, которымъ вы можете увѣичаться, если пожелаете. Прихотливое счастье сокрушило вѣнецъ на его мощномъ челѣ; но онъ гордо

презрѣлъ эту царицу царей и воскликнулъ съ пренебреженіемъ: *«сѣ моиѣ кодексоиѣ въ рукахѣ перейду въ потомство (а).»*

«Вы одолѣли его на полѣ битвы: умѣйшежь сравнишья съ нимъ въ мирныхъ занятіяхъ. Какъ воинъ, онъ побѣжденъ вами: побѣдите его, какъ законодавца. Слава, озарявшая Англію во время правленія Георга IV, пускла въ сравненіи съ тѣмъ болѣе прочнымъ свѣтомъ, коимъ можете озарить его царствованіе. Прешворите сего Монарха въ Юстиніана своего вѣка: презрѣнные льстецы щедро давали сіе имя нашимъ Генрихамъ и Эдуардамъ; пусть же добродѣтельные потомки назовушъ имъ по справедливости правящаго нами Монарха. Вошъ великія побѣды, вошъ безсмертные подвиги, украшающіе скипетръ.» Я принялъ Римъ кирпичный, оставляю мраморный,» говорилъ Августъ: и современники, наслаждались его благодѣяніями въ преклонныхъ лѣтахъ; забывали величайшія преступленія его юности. Но не болѣе ли славы государю, который можетъ сказать: законы народа моего были продажны и дорого стоили, оставляю ихъ безкорыстными и неразорительными! Они были достояніемъ богатыхъ, теперь стали наслѣдіемъ бѣд-

(а) Записки Острова Св. Елены, Т. III.

ныхъ. Безгласные до моего царствованія, они, послѣ меня, будутъ живымъ глаголомъ; пемные прежде и несовершенные, сдѣлаются вездѣ присущими, всеобщими, благотворительными, какъ свѣтъ дневной. Подобные нѣкогда мечу обоюдоострому, орудію угнѣшенія, обращаясь они въ щипъ для невинности, въ подпору спраждающей добродѣтели.» Дивное дѣло! Высокій залогъ, завѣщанный попомспву! Чѣмъ болѣе вникаю въ его послѣдствія, тѣмъ сильнѣе удосповѣряюсь, что обращая вниманіе ваше на сей предметъ, поощряя васъ къ сему предпріятію, возбуждая васъ опъ дремоты, я прославляю имя свое болѣе, нежели бѣ когда облекся всѣми государственнымъ почестіямъ!»

«Такъ! Предпочитаю званію Министра эту трудную, важную обязанность; предпочитаю мѣстамъ, коихъ вліяніе и знаменитость мнѣ въ шягоспъ, плаша за кои меня не прельщаетъ. Лучше, въ полпѣ согражданъ моихъ, буду трудами пріобрѣтать довѣренность общую и снискивать себѣ прощаніе. Не всегда вмѣстѣ съ сими высокими званіями пріобрѣтается могущество. Я прожилъ уже полвѣка, и знаю, что часто сила вещеспвенная оспаешся безъ дѣйствительнаго могущества. Могущество, коего жажду, еспъ возможность бытъ полезнымъ согражданамъ моимъ въ этомъ собраніи, раздѣлять труды ихъ,

дѣйствовать общими съ ними силами, посвятивъ имъ мою жизнь, мои умственные способности, краснорѣчіе, мысли. Сего ни какое Правительствово ни данъ мнѣ, ни опиятъ у меня не можетъ.»

Таково достопримѣчательное заключеніе рѣчи, бывшей плодомъ дѣятельнѣйшаго шертвѣнія! И пусть представлятъ еще, что слова сіи, исполненные чистосердечія и благородства, произнесены были съ силой самоувѣренности, съ неподражаемымъ могуществомъ добродѣтели! Пусть вообразятъ впечатлѣніе, произведенное симъ воззваніемъ, испоргнувшимся изъ нѣдръ души, симъ исповѣданіемъ политическаго благочестія, симъ возгласомъ, споль просшимъ, споль гордымъ, споль мужественнымъ!

Не взирая на то Бруггамъ Министръ! (а)

Большей частію, приспущы Бруггама могутъ служить образцами краснорѣчія положительнаго, непричастнаго воспорженности, сильнаго одними фактами, единственно приличнаго совѣщательнымъ сословіямъ. Онъ весьма

(а) Конечно такъ: но Министерство, коего Бруггамъ членомъ, имѣетъ цѣль совершенно противоположную цѣли Торисовъ, ему предшествовавшихъ. Сверхъ того званіе Великаго Канцлера, коимъ онъ облеченъ, приличествуетъ пошлѣннѣйшимъ его занятіямъ и образу всей его жизни. Въ чловѣкѣ государственнымъ, не власнѣ надъ умами, но злоупотребленіе сей власши, заслуживаетъ порицаніе.

тщательно обрабатываетъ сію часть рѣчей, имъ произносимыхъ; слогъ у него сжатый, живой, Димосееновскій; онъ возвышается до высшихъ мыслей, не выходя изъ обыкновенной сферы понятія членовъ Парламента; рѣдко облакаетъ онъ мысли свои въ поэтическую форму, и, въ этомъ отношеніи менѣе блестящій, чѣмъ Каннингъ, строже соблюдаетъ важный, пламенный тонъ политическаго оратора. Сила воображенія его устремляется на одни только существенные предметы: Членъ Парламента и законовѣдецъ заимѣваютъ въ немъ все прочее.

Никогда не видалъ я Бруггама столь краснорѣчивымъ, столь убѣдительнымъ, какъ въ 1826 году, во время спора о выборахъ Веспмореландскихъ. Это самая живописная, по мѣстоположенію, область Англіи: протопсть ея жилищей, занимающихся единственно земледѣіемъ, ихъ роскошныя долины, ихъ мирное спокойствіе, уединеніе и беззаботность, составляютъ разительную противоположность съ политическимъ и промышленнымъ движеніемъ округовъ, занимающихся мануфактурами. Бруггамъ, очутившись вдругъ среди этихъ добрыхъ людей, огорчается нравственнымъ ихъ усыпленіемъ: невѣденіе ихъ о дѣлахъ общественныхъ возбуждаетъ его негодованіе. Онъ ихъ воспаляетъ своимъ словами, проникаетъ своимъ

умомъ. Все перемѣняется. Яблоко раздора брошено въ это мирное сословіе; возникаютъ партіи; люди, привыкшіе подавать голоса, разнообразно съ волею правительсва, сами дивятся наслѣдственному своему добродушію. Семейства противъ семействъ, плебеи противъ паприціевъ, граждане противъ гражданъ, рапуютъ съ жаромъ новыхъ аплеповъ, удивленныхъ и восхищенныхъ борьбой непредвидѣнной. Небольшой городокъ Аплеби превращается въ шанъ Аграманша. Спѣны его не вмѣщаютъ уже враждующихъ рапниковъ; спекающіяся толпы располагаются внѣ; каждый домъ наполненъ посѣпителями и госпиями, коихъ негдѣ помѣстити; правительсво усугубляетъ усилія и подавляетъ малочисленное воинсво Бруггама. Несперимый зной лѣта 1826 года, множесво пьяныхъ, безчинсвующихъ день и ночь, ихъ вопли, буйства, драки и грубыя забавы, превращаютъ городъ сей, по справедливости славившійся крепостью жипелей и числопой нравовъ ихъ, въ опшрашительный Капернаумъ.

Пропивниковъ Бруггама было десять проливъ одного, но герой нашъ не ослабѣлъ ни на мгновение. Какъ Сапана Мильпона, цѣлые девять дней боролся онъ, не одерживая побѣды, но не переставая биться :

И девять дней его паденье продолжалось! (а) Безполезное упорство его было не укротимо. Окруженный чернью, его оскорбляющей, онъ заставлялъ слушать себя, разилъ ее своимъ краснорѣчіемъ. Чтобъ имѣть понятіе о несокрушимомъ мужествѣ, съ коимъ онъ опраждалъ противниковъ, надобно было видѣть его, на подмосткахъ, подъ раскаленнымъ небомъ, среди воплей и ругательствъ черни, осыпаемаго всякою нечистою и дрянью. Не лзя забыть сего зрѣлища! По временамъ народъ, пораженный громозвучнымъ его голосомъ, умолкалъ, какъ бы подавленный исполномъ, и попомъ начиналъ снова испускать безумные вопли. На претій день смятеніе до того возрасло, что Бруггамъ, никѣмъ уже не слушаемый, замолкъ. Малочисленные приверженцы его носили, какъ условный знакъ, синюю кокарду; одинъ изъ нихъ, видя что ораторъ остановился, закричалъ: *« продолжай! продолжай!»* — *« Такъ!»* возразилъ Бруггамъ, свойственнымъ ему гнѣвнымъ, громовымъ голосомъ: *« буду продолжать, когда перестанетъ ревѣть этотъ пьяный угольникъ!»* Чернь умолкла.

Побѣжденный Бруггамъ не сдался. По окончаніи выборовъ, онъ безъ страха облокошил-

(a) Nine days he fell.

ся на перилы подмостокъ (а) и произнесъ прощальное слово къ черни, осыпавшей его ругательствами. Солнце спряпалось за густыя, темныя тучи. Жители всѣхъ окружныхъ мѣстъ спеклись, желая присутствовать при этомъ послѣднемъ поржесствѣ. Глубокое, почтительное молчаніе царствовало въ толпѣ народа, радующагося одержанной побѣдѣ и денежнымъ выгодамъ, которыя она ему доставила. Два избранные члена благодарили народъ, привѣщивавшій ихъ рукоплесканіями.

Взоры всѣхъ обращены были на опвергнутаго кандидата, коего грозныя и оскорбительныя слова столько разъ колебали толпу; мрачныя черныя его пылали гнѣвомъ. Двадцать тысячъ человекъ, жаждущихъ вниманія тому, который былъ цѣлью ихъ язвительнѣйшихъ ругательствъ, и пренебрегающихъ предъ силой его краснорѣчія, представляли такое зрѣлище, какое въ одной только Англии видѣть можно. Бруггамъ сложилъ руки на груди, и окинулъ мнущуюся, боязливую толпу взоромъ, пылавшимъ гордостью и презрѣніемъ.

(а) Подмостки (hustings) Апшлѣбійскіе досхопримѣчательны но прочной и щеголеватой архипешкшурѣ; каждый изъ трехъ кандидатшвъ имѣлъ въ нихъ свою опдѣльную камеру.

«Развѣ я добровольно сюда прибылъ (а)? Просиль ли я васъ? Собспвенныхъ ли своихъ выгодъ искалъ я? У васъ ли домогался мѣста себѣ въ Парламентѣ? Нѣтъ! голоса ваши мнѣ не нужны: я и шакъ Членъ Парламента. Не желаніе собспвенныхъ выгодъ руководило мною. Чшо, кромѣ оскорбленій, получилъ я отъ васъ? Для вашей же пользы, васъ просиль я, вамъ служиль. Молилъ васъ, чшобъ вы не губили своей свободы. Ваше Графство хотѣлъ спасти отъ безчестія; вашъ спыдъ хотѣлъ смыть; я исполнилъ мою обязанность!» . .

Болѣ десяти минутъ продолжалъ онъ говорить такимъ образомъ, и, приковавъ вниманіе народа, которій громилъ безпощадно, заключиль эту странную рѣчь сими словами:

«На зло вамъ возобновлю битву; я рапую за законы, за свободу, за васъ; буду раповать до самой смерти—*всегда, всегда и вѣчно!*» (б)

Въ слѣдующій день, на всѣхъ спѣнахъ и во ропахъ въ Аплеби, сіи исполненныя силы слова, послѣднее выраженіе непреодолимаго упорства Бруггама, написаны были каранда-

(а) Городъ Винчельси избралъ уже Бруггама въ Члены Парламента. Кандидашура его въ Веспмореландѣ была не иное чшо, какъ политическое усиліе еще однимъ членомъ усилить оппозиціонную паршію.

(а) „*Again, again, and for ever*“. — „Еще, еще и на вѣки.“

шемъ пѣми самыми людьми, копорые сдѣлались его врагами изъ видовъ корыстолюбія.

Въ печеніе нѣсколькихъ лѣтъ Бруггамъ продолжалъ шрудиться. Депушанъ, опверженный слабымъ Графспвомъ Весмореландскимъ, избранъ былъ могущеспвеннымъ Йоркскимъ Графспвомъ (а). Въ семъ послѣднемъ сраженіи, онъ явился доспойнымъ себя: въ продолженіе одного дня, семъ разъ говорилъ онъ народу, переходя изъ одного мѣста въ другое, съ семи часовъ утра до десяти вечера. Хопя возмездіе, его ожидавшее, было его доспойно, но одинъ шолько онъ могъ заслужить его: ему должно было побѣдить смлу золоша, вліяніе кредитна, могущеспво привычки—энергіей патріотизма и таланта. Онъ долженъ былъ одолѣть богатыхъ пропивниковъ и испоргнуть важнѣйшую добычу изъ рукъ правительспва, ничего не щадившаго для полученія успѣха. Ему вполне удалось.

Могущеспвенный движитель своего вѣка и опечеспва, Бруггамъ, пройдя избранное имъ поприще, явился во всемъ своемъ величіи; и тогда шолько можно будетъ въ точности разобрать его. Имя его принадлежитъ уже исторіи. Какъ адвокатъ,

(а) При послѣднихъ выборахъ, коими Бруггамъ и Лордъ Грей обязаны Минисперспвомъ.

какъ законовѣдецъ , какъ прибуль народный, какъ государспвенный человекъ, онъ принадле- житъ къ свѣшозарнѣйшимъ лучамъ славы, оза- ряющей Англию. Блестящій и благошворный, онъ имѣетъ права на то особенное вниманіе, коимъ попомство награждаетъ малое число людей, завѣщавающихъ имена свои безсмертію. Прек- рапились борьба враждующихъ парпій, попух- нешъ пламя политическихъ распрей ; тысячи людей, коихъ сердца сильнѣе бились при зву- какъ его краснорѣчія, будутъ хладны, какъ кам- ни, покрывающіе ихъ прахъ; ихъ дѣяшельность, усилія, бдѣнія, бинвы, поглопясь бездной вре- менъ : но попомки щцашельно соберутъ ос- папки рѣчей Бруггама; они увидятъ въ нихъ сильное пламенное напряженіе умспвенныхъ способностей къ нравспвенному улучшенію опечеспва; найдутъ источникъ благошвор- ныхъ мыслей , коихъ попокъ съ каждымъ днемъ возраспаетъ ; и сыны наши , и сыны сыновъ нашихъ, благословятъ славное его имя! Непримирымый врагъ невѣжеспва и угнѣпе- нія , братъ и покровишель просвѣщенія и честности , чуждый щцеславія, педантизма, предразсудковъ — мужъ сей , испинно див- ный, будетъ примѣромъ и пушеводнымъ свѣ- шиломъ людей благомыслящихъ. Нѣкогда скажутъ юношѣ , жаждущему славы и по- знаній: « остановись предъ изваяніемъ Бруг-

гама. Вопль пищъ и образецъ неупомимой дѣятельности, постоянного трудолюбія, безпредѣльной любви къ человѣчеству; онъ указалъ своему опечеству путь законной свободы и просвѣщенія. Можешь подражать ему: можешь, по его слѣдамъ, ободрять скромный палантъ, награждать дѣятельную промышленность, опыскивать неузнанное дарованіе. Одному ему принадлежалъ его гений: но каждый властень бытъ, подобно ему, ревностнымъ поборникомъ правъ слабого, отражать грубые пороки лучами просвѣщенія, доказывать народу, что употреблять во зло свободу свою есть вѣрнѣйшее средство ее утратить. Спрашишься ли чрезмѣрнаго злоупотребленія властей? Рази ихъ въ главнѣйшей ихъ опорѣ, въ непросвѣщеніи! Спрашишься ли успѣховъ духа демократіи? Знай, что чернь просвѣщенная уже не чернь, а орудіе партій! Послѣдуй Бруггаму, попри пятой себялюбіе, жерпвую блугу человѣчества каждымъ мгновеніемъ пвоей жизни! И пусть пвоя жизнь, какъ жизнь Бруггама, пройдетъ въ рапованіи за просвѣщеніе законы и добродѣпель!»

(окончаніе слѣдуетъ.)

II.

НАДЕЖДА.

(изъ шиллера.)

О дальныхъ и лучшихъ грядущихъ годахъ,
 Все думаютъ люди мечшая,
 Бѣгутъ и стремятся на разныхъ путяхъ,
 Завѣшную цѣль догоняя.
 Спарѣежь и вновь молодѣежь земля,
 Но смертный ждетъ лучшаго день ото дня,

Онъ въ мирѣ сей рождаясь съ надеждой злобой;
 Она за младенцемъ лешаетъ,
 Вливаежь въ грудь юноши пламень свяшой,
 И шарцу до гроба ласкаетъ;
 Онъ къ гробу споною успалой сбѣшишь,
 Но съ нимъ и у гроба надежда споишь.

Есть правда — она не коварный обманъ,
 Зачашый пусшыми умами,
 Лешацій день жизни намъ къ лучшему данъ
 Отъ вѣка благими богами.
 И шо, что голосъ души говоришь,
 То правда свяшая, шо сердцу не льшишь.

Эдуардъ Губеръ.

III.
 ДВѢ ЗВѢЗДЫ.
 ПОВѢСТЬ ЦШОККЕ.

—*—*—*—
 ВВЕДЕНІЕ.

Говорящъ : человекъ можешь все, что захочешь; а я такъ думаю, что его воля зависить также отъ судьбы, управляющей малѣйшими его поступками. Графъ Родригъ В. умершій первымъ Министромъ, рассказывалъ намъ иногда свои приключенія, которыя еще болѣе убѣждаютъ въ этой истинѣ. Они не важны, и занимательны только можешь быть по милому просподушю рассказика. Предлагаю ихъ здѣсь, сколько могу вспомнить, и желаю, чтобъ это повѣствованіе доставило моимъ читателямъ столько же пріятныхъ минутъ, сколько провелъ я съ этимъ любезнымъ старцемъ.

ГЛАВА I.

ВУЛОЧНИКЪ.

Родригъ былъ не знашнаго произхожденія. Отецъ его служилъ при таможенѣ одного пограничнаго городка; онъ былъ небогатъ, но уменъ и разсудителенъ; онъ хотя говорилъ на многихъ языкахъ, хотя былъ хорошимъ живописцемъ, искуснымъ музыкантомъ, однакожь никакъ не могъ выдраться изъ таможенныхъ

приспавовъ. Опъ чего? опъ пого, что счастье не хошъло ему улыбнушься. Въ молодоспи онъ напраказничалъ; у поварищей его нашлись пепушки, бабушки, деньги, и они выпупались изъ непріятныхъ послѣдствій эпош шалоспи. У Родрига не было ни пого, ни другаго; и его бѣдняжку засадили на десять лѣтъ въ крѣпость. Отперпѣвшись, онъ оставилъ родину, былъ попеременно учипелемъ, писаремъ, прикащикомъ; и наконецъ когда уже надолъ всѣмъ своимъ покровипелямъ, по опыскалось ему на границѣ мѣсто шаможеннаго Приспава. Тамъ женился онъ на бѣдной дѣвушкѣ — и прижилъ Родрига.

Онъ далъ прекрасное воспитаніе своему сыну; самъ училъ его, и хошълъ изъ него сдѣлать что нибудъ пушное. Мальчикъ былъ съ опличными дарованіями, и подавалъ большую надежду; но когда подростъ и надлежало послать его въ Универсипепъ, по у опца недоспало денегъ. Старый смоприпель умеръ съ горя; мать Родрига за семь еще лѣтъ до пого переселилась на попъ свѣтъ.

Сынъ Смоприпеля оспался сиропой на двадцапомъ году опъ роду. Наслѣдства послѣ опца едва доспало на уплату долговъ. Добрые люди помогли кой-чѣмъ Родригу, и онъ пупсился въ свѣтъ, попому, что былъ лишній на своей родинѣ.

Онъ перебрался въ другой городокъ, гдѣ жила его родная пещка, вдова, копорая, подѣ спароспѣ, кормилась своими спудами. Родригъ явился жѣ ней съ заплаканными глазами, извѣспилъ ее о смерпни опца и онисалъ ей жалкое свое положеніе. Добрая спарушка поплакала съ нимъ, обняла своего племянника, молодца красиваго и обѣщалась его не оспавить.

Она сдержала слово, приняла къ себѣ въ домъ и любила его, какъ родная мапъ; одно въ немъ ей не нравилось: въ иныхъ случаяхъ онъ не шакъ думалъ, какъ она. «Ушебя нѣшп денжонокъ, говорила она, и у меня поже; шакъ и не должно думашъ обѣ Универсипешѣ: эшо хорошо, родной, для богашпхъ людей. Ощецъ швой былъ уменъ не по своему соспоянію, и былъ несчастпливъ; все хопѣлъ взобращъ выше, да выше; а подѣ ноги бывало не посмошрипшъ; не дорожилъ копейкой, подавай рубли: шакъ и прожилъ вѣкъ въ бѣдности. Самъ виновашъ, не шѣмъ будѣ помянушъ!—Знаешъ ли, Родригъ, послушайся-ка моего тлупаго разуму, брось всѣ эши книги; онѣ кружатъ шебѣ шолько голову. Ну, что опѣ нихъ за польза? У меня найдешъ чѣмъ заплашишъ за выучку; поучись-ка хлѣбному масперспиву. Я ужѣ говорила съ булочникомъ Бирнешпшплемъ; онъ беретъ шебя, и шы перѣдешъ къ нему черезъ недѣлю; а я къ шому

времени сошью шебѣ новую нару; года черезъ при будешь пы подмасперьемъ, а памъ и самъ заживешь хозяиномъ. Послушайся голубчикъ, право раскаеваться не будешь; вѣдь не видано и не слыхано, чшобъ какой хлѣбникъ умеръ съ голоду.»

Родригъ молчалъ. Да и чшо сказать? Ему полько жаль было расшаться съ своимъ Цицерономъ и Ксенофонпомъ. Онъ взялъ ихъ съ собой къ хлѣбнику, и когда не шаскалъ кулей съ мукою, или не мѣсилъ хлѣбовъ, шо училъ оду изъ Горация, и на сердцѣ у него спановилось легче.

Г Л А В А II.

хлѣвня.

Булочникъ Бирненшпиль и его жена были люди сложенія горячаго и вспылчиваго; подъ часъ ученому Родригу доставалось ошъ нихъ жарче, чѣмъ ошъ хлѣбной печи; но у нихъ была пригоженькая дочка, и онъ надѣялся найши ушѣшеніе. Маргарипъ шакже минуло девянаццашъ лѣшъ, и Родригу очень бы хопѣлось ей понравиться; но дѣвушка проспирала свои виды гораздо выше. Гдѣ ей было слушашъ мальчишки булочника! ей надо было вздыхаціи какаго нибудь Князя.

А онъ и шупъ какъ шупъ. Это былъ сынъ

и наслѣдникъ одного владѣтельнаго Герцога, служившій Маіоромъ въ Драгунскомъ полку, который споялъ на кварширахъ въ околodeѣ. Молодаго Князька прислали въ эпошь городъ поучиться военному искусству: да шо бѣда, что не съ кѣмъ было воевать, кромѣ пригоженькихъ дѣвушекъ. Эпого рода войнѣ скоро научился нашъ Князь: ибо Маргарита была непріятель опасной, прошивъ котораго надлежало употреблять всѣ хитрости стратегіи и тактики. Бѣдный Родригъ игралъ въ эпошь случай жалкую роль. Онъ пашкалъ по кули, шо любовныя записочки. Князекъ оплочно зналъ Когорна и Вобана; осада шла удачно, и Маргарита скоро принуждена была сдаться на капитуляцію.

Ну конечно, еслибъ Бирненишилъ зналъ слѣдствія ошой кампаніи, шо пробилъ бы эту капитуляцію на розовыхъ щечкахъ пригоженькой своей дочери, а услужливому Родригу досталось бы заплашишь всѣ военныя издержки; но дѣло было шакъ улажено, что Бирненишилю и въ голову на приходило, что онъ попалъ въ пещи къ Князю, который даже не потребовалъ отъ него дворянской граматы.

Но однажды нѣжная связь двухъ любовниковъ открылась, и самымъ неожиданнымъ образомъ. Эпошь случай былъ причиною, что

Родригъ бросилъ учиться полезному искусству печь сдобныя булочки и сахарныя крендельки.

Разъ вечеркомъ Князь шелъ мимо булочникова дома, чшобъ повидаться съ Маргаритой; а Маргарита, какъ шо и натурально, спояла у ворошъ; вѣрояшно чшобъ не увидалъ ихъ кто нибудь поспоронній, вошли они оба въ темныя сѣни. Но старуха булочница кашлянула на лѣспнищѣ, и они пробрались оба въ хлѣбню, гдѣ Родригъ, замѣсивъ шѣсто, сидѣлъ одинъ и у ночника читалъ Гомера. Онъ не успѣлъ и спохватиться, какъ Маргарита выхватила у него Греческую книгу и приказала ему идши покараулить, чшобъ кто не зашелъ.

Между шѣмъ, какъ въ сѣняхъ вѣрный Родригъ споялъ на часахъ, Князь Лудовикъ, описывалъ булошниковой дочери мученія своей любви. Маргарита, начипавшаяся романовъ, слушала его съ умиленіемъ и говорила, чшо всему помѣха его знапность. Но онъ божился, клялся жить только для ней или послѣдовать за нею на помъ свѣшъ, гдѣ, говорилъ онъ, нѣшъ ни чиновъ, ни различія въ званіяхъ. Не извѣстно съ чего онъ это взялъ, ибо на помъ свѣшъ онъ еще не бывалъ.

Чшожъ до Маргариты, шо она охотно эшому вѣрила. Князю, думала она, должно это знать лучше другаго. Вотъ и поклялись

въ вѣчной любви. А если насъ разлучашь, прощепшала Маргарита, обнимая его? — Тогда, вскричалъ Князь, подхватю тебя на руки, побѣгу къ рѣкѣ, дамъ тебѣ послѣдній поцѣлуй, такой пламенный, какъ вопль эпошъ, и брошусь вмѣстѣ съ побою въ воду, милая Маргарита!—

При этихъ словахъ онъ дѣйствительно рванулся и спазилъ за собой толстый слой шѣсна, который въ попемкахъ счель за лавку. Любовники пошатнулись, и крѣпко обхвативши другъ друга, ушли по поясъ въ мягкую опару, которую съ такимъ прудомъ расшворилъ Родригъ. Ни одно еще любовное свиданіе не кончалось такимъ чуднымъ и смѣшнымъ образомъ. Куда разлетѣлись всѣ любовныя зашѣи! Всякой думалъ только какъ бы выдраться изъ шѣсна; но чѣмъ болѣе порывались, шѣмъ глубже уходили въ эту мушную попь. Наконецъ злодѣйское шѣсно бухнуло съ любовниками на полъ и опць этого паденія потрясса весь домъ.

Родригъ первый эпо услышалъ. Онъ бросился на помощь къ двумъ несчастнымъ и ошолбенѣлъ, увидя двѣ необыкновенныя фигуры, неимѣвшія на себѣ лица человѣческаго. Маргарита барахталась обѣими руками въ шѣстѣ; ей зашѣило рощъ и глаза и она всячески старалась выкарабкаться. Князь, которому по-

пался въ руки помѣ Гомера, обскабливалъ имъ приставшее тѣсто. Пыль, поднявшаяся отъ муки, образовала бѣлое облако во кругъ эпихъ двухъ божковъ, обклеенныхъ тѣстомъ.

Вдругъ, какъ громъ, грянула походка Бирненшпиля; онъ спускался какъ каретная лошадь по ступенькамъ лѣстницы. Но Родригъ и шупъ нашелся; бросился на встрѣчу къ хозяину, и схвативши его подъ руку, выпатилъ на улицу, крича во все горло: не ходи, хозяинъ, домой, не ходи

—А почему? спросилъ булочникъ, удивившись. Домъ, того гляди, что рухнется! опвѣчалъ Родригъ. Смощри, какъ земля дрожитъ подъ нами?

—Никакъ и въ правду? Ахъ!... Спасай жену, спасай дочь! вскричалъ булочникъ внѣ себя. Въ испугъ ему казалось уже, что земля разступается и гошова поглотитъ его грѣшника. Это былъ человекъ добрый и набожный: онъ твердо помнилъ, что нѣкогда за грѣхи провалились два города.

Родригъ кинулся поспѣшь въ домъ; на встрѣчу попался ему Князь. Куда ты бѣжишь? сказалъ сей послѣдній, на-ка лучше почисти меня! Хорошъ бы я былъ, еслибъ увидали меня въ такомъ нарядѣ. Сказавъ это, попатилъ онъ съ собой Родрига, ни мало не заботясь о крикѣ булочника.

Г Л А В А Ш.

П Е Р В Ы Й Ш А Г Ъ.

Между тѣмъ, какъ Бирненшпиль молился и ждалъ разрушенія Гомморы, Родригъ помогъ Князю обчисленихъ пѣспо. Какъ скоро сей послѣдній спалъ дышашъ посвободнѣе, то принялся благодарить своего избавителя, и очень хвалилъ за оспроумную выдумку о землетрясеніи.

—Ахъ! сказалъ вздохнувши, Родригъ, еслибъ Ваша Свѣплосць также оспроумно придумала пеперь средспво, какъ мнѣ избавишься ошъ тяжелой палки хозяина! Даспъ же онъ мнѣ знашь это землетрясеніе! Навѣрное сгонишь со двора. Ахъ, Боже мой! и Гомеръ мой весь изорванъ. Твой Гомеръ! сказалъ Князь, державшій еще книгу въ рукахъ, и посмопрѣлъ съ удивленіемъ на молодаго ученика, который подъ одной кровлей съ молодой пригоженькой дѣвушкой проводилъ время съ спарымъ Греческимъ поэтомъ. Это обстоятельство подало поводъ ко многимъ вопросамъ. Родригъ рассказалъ небольшую испорію своей жизни, и эшопъ рассказъ такъ понравился Князю, который былъ ошъ природы великодушень, что онъ рѣшился доставить молодому ученику средспва употребить съ пользою свои дарованія!

—Оспавь-ка своего хозяина, Родригъ! пусть его себѣ сердится, да и о Маргаритѣ намъ нечего забоишься: она солжешъ и вывернешся изъ бѣды. Я исполню пвое желаніе, пошлю въ Университетъ. Возьми денегъ на платье, одѣнься получше. Сходи къ пешкѣ и воришись ко мнѣ завтра вечеромъ. Да смотри ни кому ни слова о томъ, что для тебя дѣлаю!

Родригъ упалъ къ ногамъ Князя и попомъ побѣжалъ бросишься въ объятія своей пешки. На другой день послано было сказать булочнику, что дурные его поспулки совершенно опбили у его ученика охоту опъ почтеннаго поприща, на которое было онъ вспунилъ.

Все было скоро слажено. Родригъ не безъ слезъ распался съ своею пешкою. Она обходилась съ нимъ, какъ съ роднымъ сыномъ; за по и онъ въ эпомъ годъ мученія успѣлъ перпѣниемъ своимъ и покорностію снискашь любовь почтенной спарушки.

Г Л А В А I V .

В А Р А Н І Й Х В О С Т Ъ .

Родригъ постоянно слѣдовалъ совѣщамъ своей пешки, во время ученія своего въ Университетѣ; однакожь ни какъ не могъ рѣшиться въ угождение ей, заняться богосло-

віей; онъ лучше хотѣлъ учиться правовѣденію, надѣясь бытъ въ приказномъ званіи полезнѣе, нежели въ духовномъ. Принцъ въ печеніе двухъ лѣтъ содержалъ его на свой щепъ; но на прешій Его Свѣшлость собрался пушешеспвовапъ и прислалъ денегъ въ послѣдній разъ своему кліенту, обѣщая навѣдапъся объ немъ по возвращеніи своемъ изъ Англіи и Италіи.

Тутъ еще прилѣжнѣ занялся Родригъ науками. Когда кончилъ онъ свой курсъ, по спрашивалъ самъ себя, какая будетъ польза отъ его учености. Эпопъ вопросъ задалъ ужъ онъ своей пешкѣ; но вмѣсто ожидаемаго отвѣта, получилъ письмо, писанное чужой рукой, въ копоромъ приглашали его какъ можно скорѣй приѣхать, если онъ хочепъ еще разъ обняпъ спарушку свою родспвенницу: она лежала при смерти и сильно желала съ нимъ повидапъся.

Онъ попчасть уложился, (его богатство соспоало болѣе въ бумагахъ, нежели въ пошипкахъ), и пуспился въ дорогу, не успѣвши даже распрощапъся съ своими поварищами; одинъ только изъ нихъ проводилъ его до первой деревни: эпо былъ Баронъ Гейвенъ, копорый очень уважалъ Родрига. Гейвенъ самъ былъ молодой человекъ, оплично умный, живой, веселый, съ большими познаніями и

чрезвычайно скромный, хотя по богатому своему сословію и могъ бы подъ часъ подурачиться.

—Родригъ, помнишь ли ты нашу клятву? ска- залъ ему Гейвенъ, когда спалъ разсавашься. Бышь друзьями во всю жизнь, и никогда не оставляешь другъ друга?—Да, Гейвенъ, помню. —Смошрижь, не забывай ее! и если шебъ, когда нибудь понадобится я, мой кошелекъ, или мое ходапайствво, по приходи смѣло ко мнѣ; я все съ побою раздѣлю; смосри, не совѣспись!

Они заплакали, обнимаясь, и разспались поклявшись еще разъ въ вѣчной дружбѣ. Не разъ въ благородномъ энпузіазмѣ молодые люди клянущся въ вѣчной дружбѣ; но и шущь случается поже, что и въ мирныхъ договорахъ и союзахъ; другія времена, другіе люди; другія обспояпельспва, другіе виды.

Однакожь дружба Гейвена радовала Родрига, и онъ почишалъ ее якоремъ спасенія во время будущихъ бурь своей жизни. Мысль о будущемъ, объ умирающей пешкѣ, шакъ его заняла, что и ѣда не шла ему на умъ. Всю ночь продумалъ онъ, сидя въ коляскѣ, а на другой день очутился у пракшира въ двухъ миляхъ отъ городка, гдѣ жила спарушка его родспвенница.

Голодь сильно напомнилъ о себѣ Родригу, когда онъ проходилъ мимо кухни, откуда несся пріятный запахъ жаркаго. Между тѣмъ, какъ для него накрывали споль, вошелъ въ комнату пріѣзжій. Родригъ взглянулъ и узналъ въ немъ булочника Бирненшпиля.

— Здравствуй хозяинъ! Куда пробираешься, сказалъ Родригъ. Булочникъ поспѣшь узналъ своего ученика, котораго не видалъ съ извѣснаго землетрясенія. Онъ подошелъ къ нему съ низкими поклонами, объявилъ ему о смерти шепки, поздравлялъ его, и утѣшалъ новою мыслию, что человекъ пропадаешь, какъ листъ на деревѣ. Онъ также сказалъ, что она назначила племянника единственнымъ своимъ наслѣдникомъ, и прибавилъ, что добрая спарушка схоронена вчерашняго числа. Это извѣстіе такъ поразило добраго Родрига, что онъ не могъ опрѣчать ни слова булочнику; онъ опвернулся; ему показалось душно въ комнату и онъ вышелъ на свѣжій воздухъ. Спарая шепка была для него всѣмъ: по смерти отца, она его неоспаждала ни въ чемъ; а теперь онъ опять одинъ, безъ матери, безъ родныхъ, безъ куска хлѣба! Когда трактирщикъ кликнулъ его обѣдать, то Бирненшпиль ужъ уѣхалъ. Родригъ не могъ еще выронить ни слезинки; ему пріятнѣе было остаться одному и

опъ охотно бы предался всей своей горести, еслибъ желудокъ не предъявилъ, весьма не кстапи на эпомъ разъ, своихъ неопъемлемыхъ правъ.

Съ первой ложки супу, слезы навернулись у Родрига на глазахъ; но когда пракпирщикъ принесъ бараній хвостъ подъ краснымъ соусомъ, ни дашь ни взяшь такимъ, какимъ угощала его шепка въ день опъѣзда, по у Родрига слезы полились ручьями. Онъ выпатиць изъ соусу бараній хвостъ, обрѣзалъ его, и заливаясь горькими слезами, принялся ѣсть пошохоньку.

—Добрая старушка! душа ея носится шеперь на небесахъ, вскричалъ онъ рыдая, а я, я оспался одинъ! Но если праведнымъ позволяется взглянуть на здѣшній мръ, по шы меня не забыла! О, взгляни еще разъ на сироту, копораго шы любила. Сказавъ эпо, принялся онъ въ ончаяніи доглядывать хвостъ, копорый заглушилъ если не горестъ, по по крайней мѣрѣ его жалобы.

Подъ конецъ эпихъ поминокъ вдохновеніе Родрига возвысилось; онъ поднялъ вверхъ свои заплаканные глаза, и махая оглоданною костью, вскричалъ, вздыхая: Ахъ! прими меня въ свое лоно, милая мать моя! Чшо мнѣ дѣлать на эпомъ свѣшѣ? Гдѣ найду челоувѣка, копорый бы меня шакъ любилъ, какъ шы?

Добрый Родригъ думалъ, что эти рѣчи слышнѣ только духъ покойной его щепки; онъ и не замѣнилъ, что дверь была неприщворена и миленькая дѣвочка лѣтъ пятнадцати просунула изъ любопытства головку и дивилась сколько его крайней горести только, и ужасному апатическому. Она смотрѣла, смотрѣла и вдругъ захохотавши во все горло побѣжала схватившись за бока.

—Ахъ, Г. Совѣтникъ, кричала милая насмѣшница полсѣяку, который тяжело взбирался по лѣстницѣ, пожалуйста, ради Бога пойдемъ въ большую залу. Тамъ сидитъ прекрасный мальчикъ за бараньимъ хвостомъ, онъ ѣстъ его и такъ горько плачетъ! Еслибъ я сама не видала, ни за что бы въ свѣтъ не повѣрила, чтобы съ горя можно было въ такое короткое время проглотить такой кусище жаркаго. Да спускайте же, утѣшайте его, пожалуйста!

Сказавъ это, она пощипала его за руку, пощипывался, повторяя съ важнымъ видомъ: да не шалите, Графиня. Все напрасно Она вполкнула его въ залу.

Г Л А В А V.

П О К Р О В И Т Е Л Ь Н И Ц А .

Молодая Графиня, казалось, только искала случая получше разсмотрѣть прекраснаго мо-

лодаго челоуѣка, попому что вошла также въ залу, хоша и не разъ звала ее дочь полспаго Совѣтника.

Увидя поспороннихъ, Родригъ спарался скрышь свою горестъ и хошѣлъ было уйти; но молодая Графиня весьма учливо просила его не беспокоиться. Онъ взглянулъ на нее и потерялъ охоту бѣжать. Между тѣмъ Совѣтникъ завелъ съ нимъ разговоръ, который начался съ хорошей погоды, а кончился просто-сердечнымъ разговоромъ о приключеніяхъ Родрига. Да и можноль ему было запирашься? Глаза были заплаканы, а бараній хвостъ, свидѣтель его горести, лежалъ еще на шарелкѣ.

—Для васъ нужно разсѣяніе, сказалъ Совѣтникъ. Ваша участь меня пронула. Вы вышли изъ Университета и никуда еще не опредѣлились; не хошите ли занять мѣсто Секретаря въ моей Канцеляріи и переѣхать ко мнѣ въ домъ; тамъ мы съ вами покороче познакомимся. Я живу лѣпомъ въ деревнѣ, вы поѣдите со мной; а зимой воропимся въ резиденцію. Ну что, согласныли?

Родригъ не зналъ, что и подумать о такомъ предложеніи. Онъ сподѣлъ, какъ вкопанный, смотрѣлъ съ благодарностью на Совѣтника и украдкой поглядывалъ на Графиню, которая, въ нетерпѣніи, казалось, готова была сама за него согласиться. Онъ принялъ предложеніе и

пѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что помѣстье Совѣтника находилось по близости отъ городка, куда собирался онъ ѣхать для полученія наслѣдства послѣ пепки.

Графиня Вильгельмина вспрыгнула отъ радости, и побѣжала къ дѣвицѣ Бригиттѣ разсказать ей объ этомъ смѣшномъ приключеніи.

Г Л А В А VI.

Н А С Л Ъ Д С Т В О .

Дѣвица Бригитта, двадцати лѣтъ, прекрасная, сентиментальная, начитавшаяся романтическихъ сочиненій, находила это приключеніе безподобнымъ, а когда увидала прекраснаго Родрига, то ей показалось оно еще безподобнѣе, хотя ужъ этого она и не говорила. Г. Секретарь вмѣсто того, чтобъ ѣхать къ пепкѣ, отправился въ деревню къ Г. Совѣнику. Не прошло недѣли, какъ онъ зажилъ себѣ, какъ дома: его шакъ всѣ полюбили, шакъ обласкали, что онъ почти забылъ о своей печали, бараньемъ хвостѣ, покойной пепкѣ и наслѣдствѣ. Онъ въ обществѣ былъ милъ, любезенъ, умѣлъ занять гостей; и всѣ дамы, пріѣзжавшія къ Совѣнику, хвалили до крайности выборъ Г. Ландерна и до небесъ превозносили его даръ узнавать людей. Самъ Совѣникъ Ландернъ радовался своей находкѣ, ибо замѣнилъ скоро, что Родригъ

имѣлъ гораздо больше познаній, нежели сколько сначала ему казалось: онъ поручалъ ему важныя дѣла; прибѣгалъ во многихъ случаяхъ къ его совѣщанью, и даже поручилъ ему сосланишь большой општесть, на него возложенный, о доходахъ и расходахъ государственныхъ. Это дѣло такъ скоро и такъ хорошо было кончено, что Г. Ландерну нечего было поправитъ. Тебѣ суждено бытъ побольше переписчика, сказалъ онъ, въ минушу сердечнаго изліанія, своему Секретарю, займиська еще годикъ подъ моимъ руководствомъ, а тамъ я предсавлю тебя Герцогу.

Всѣ взгоревались, когда Родригъ уѣхалъ на нѣсколько дней для полученія наслѣдства послѣ пешки. Сентиментальная Бригитта больше всѣхъ крушилась въ своемъ одиночествѣ; и жалобы ея излились во многихъ элегіяхъ, изъ копорыхъ ни одной не дошло до Родрига. Счастливчикъ и неподозрѣвалъ своего счастья, точно также, какъ молодая Графиня Вильгельмина не подозрѣвала впечатлѣнія, копорое произвела она на сердце Родрига. Она играла и рѣзвилась въ его опшущствіи, какъ будто и не бывало Родрига на свѣтѣ.

Въ городкѣ его задержали гораздо долѣе, нежели онъ думалъ пребытъ. Завѣщаніе было распечатано: покойница отказывала лавку одной своей поваркѣ, а племяннику остав-

ляла капишаль въ 25,000 флориновъ, шайный плодь ея долговременной бережливости.

Родригъ благословиль память доброй своей родшвенницы; копорая шакъ долго копила для доспавленія ему независимаго соспоянія. Не безъ шруда выхлопошаль онъ свою долю изъ наслѣдства, и пошелъ навѣшпиль своего спараго хозяина, не сполько для него, какъ для Маргарипы, о копорой ему иногда напоминало сердце. Но Маргарипа не жила уже подъ опеческимъ кровомъ. Ее выдали за шкача, мѣсяца два спуспя послѣ великаго землешрасенія.

Г Л А В А VII.

П У Д Е Р М А Н Т Е Л Ъ.

Всѣ радовались въ домѣ Совѣшника, когда возврапился Родригъ. Всякой принималь его, какъ спариннаго пріапеля; одна особа даже больше, нежели какъ пріапеля; а Графиня какъ милаго знакомаго. Родригъ дрожалъ, подходя къ ней: во время его поѣздки она похорощла, какъ нарочно на его бѣду. Тупъ онъ живо почувспвоваль, что любишь ее всею душой, и ему стало полегче, когда воропились въ резиденцію, гдѣ образъ жизни былъ гораздо разсѣяннѣе. Онъ видалъ ее шогда рѣже и всегда въ общесшвѣ; но поздно было лѣчишься

опть любви, копорая пустила уже въ сердце его глубокіе корни. Не рѣдко, чпобъ лишить себя всякой надежды, сравнивалъ онъ свое соспояніе съ Графининымъ; но напрасно, надежда все шлилась; онъ не пересталъ ее любить даже и погда, когда узналъ чпо Вильгельмина побочная дочь владѣтельнаго Герцога.

Вильгельмина, казалось, не понимала его спраданій, почно шакже, какъ онъ не замѣчалъ мученій нѣжной Бригитты. Но жена Совѣтника была прозорливѣе. Она скоро замѣшила спраспъ своей дочери, и какъ всѣ ея предспавленія оспались безъ успѣха, по рѣшилась вспуниться за нее. Не открывая своихъ намѣреній Совѣтнику, она пристала, чпобъ онъ похлопопалъ о производспвѣ своего Секретаря.—Когда произведупъ его въ Надворные Совѣтники, думала она, по не мудрено ужъ будепъ выхлопопашъ ему дворянспво!—Эпо сужденіе было не безъ основанія. Г. Ландернъ предложилъ опредѣлить Родрига къ посольспву, опсправляемому къ одному иноспранному двору, и Герцогъ, слышавшійся уже о дарованіяхъ молодого Секретаря, охотно на по согласился.

Но шакое распорядженіе, копорое на нѣсколько мѣсяцевъ разлучало Родрига съ семейспвомъ Ландерна, нанесло смерпельный ударъ чувствительному сердцу Бригитты.

Родригъ пришелъ наконецъ проспиться : это было по ушпру; на немъ былъ черный фракъ. Бригитта, которая услышала его голосъ изъ своей комнапы, вскочила съ видомъ опчаянiя, выслала парикмахера, и забывъ, что она еще въ пудерманшелъ и съ непричесанными волосами, бросилась на встрѣчу къ новому Секретарю Посольства.

Родригъ не ее искалъ. Сообразуясь съ успавами эпискеса, онъ имѣлъ намѣренiе сперва явиться къ Г. Совѣшнику. Невольно напкнулся онъ на опечаленную красавицу и съ пудерманшеля посыпалась пудра прямо на него; но Бригитта ничего не видала, и продолжала, уриваясь близехонько къ нему, грустить объ его опъздѣ.

—Боже мой! вскричалъ Родригъ, въ замъшательствѣ : заклинаю васъ, сударыня
какая бѣда ! . . . да взгляните на мое положенiе!

Бригитта , которая въ этихъ словахъ видѣла только выраженiе опчаянiя, ощущаемаго молодымъ Секретаремъ по случаю ихъ разлуки, еще болѣе разнѣжилась.

— Ахъ сказала она со вздохомъ , какъ мы несчастны! Но надѣйтесь, Родригъ, вѣдь есть Провидѣнiе.

—Безъ сомнѣнiя, сударыня, но вы привели меня въ такое недоумѣнiе. . . .

— Оно никакъ, никакъ не сравняется съ тою горестію, копорою поражаетъ меня вашъ опъѣздъ, Родригъ!

Родригъ не зналъ ужъ что опвѣчать, сама Бригитта удивлялась его смущенію.

Въ эту минушу Совѣшникъ вышелъ изъ своего кабинета. Бригитта съ дѣвственною спыдливостію бросилась бѣжать опъ Родрига, копорой споялъ какъ вкопанный. Однакожъ онъ оправился, и спалъ просилъ Совѣшника о продолженіи дружества и покровительства, прибавивъ еще кой-что, чтообъ скрыть свое смущеніе. Но Совѣшникъ и самъ былъ въ неменьшемъ замѣшательствѣ. Онъ видѣлъ какъ убѣжала Бригитта въ своемъ пудерманшелѣ и угадалъ оспальное.

—Но кой чортъ! сударь, что у васъ за нарядъ? вскричалъ наконецъ Совѣшникъ. Секретарь Посольства взглянулъ на себя и ахнулъ. Кафанъ его изъ чернаго спалъ совершенно бѣлымъ.

Совѣшникъ покачалъ головою и призадумался. —Подише, сударь, велише себя почиснишь. Дипломатъ въ дѣлахъ своихъ долженъ дѣйствовать гораздо оспорожнѣе! —

Все опкрылось. Бригитта ни въ чемъ не заперлась. Совѣшница всупилась за Родрига, и черезъ полгода, когда по благополучномъ окончаніи своей мисси, возвратился молодой

Секретарь, по получилъ дворянскую грамоту въ награду за свою службу. Но не своимъ заслугамъ, а пудерманшелоу Бригитты обязанъ онъ былъ своимъ дворянствомъ: Совѣснику надобно было зятя дворянина.

Г Л А В А VIII.

Л Ъ К А Р С Т В О .

Скоро и спарый и малый зналъ въ резиденціи, что Родригъ женихъ и любовникъ дѣвицы Ландернъ; да онъ самъ какъ-то худо пому вѣрилъ. Правда былъ онъ въ перепискѣ съ Бригиттой; но его письма были писаны не сколько къ ней, сколько къ ея семейству, съ коимъ связывали его благодарность и дружба. И по правда, что когда онъ думалъ о Вильгельминѣ, то слогъ его одушевлялся и фразы выражались шакъ нѣжно, что Бригитта была въ восхищеніи; но какъ во все время своего опсущствія ни разу не написалъ онъ слова *сватъба*, по страсть Бригитты начала слабѣть. Къ помужь было у ней много обожаемыхъ, и между ими молодой Каммергеръ, прекрасный личикомъ и сынокъ сполбоваго дворянина; Бригитта была дѣвушка, какъ и всѣ прочія, по есть, она думала, что одинъ любовникъ на глазахъ споймъ десяперыхъ за глазами.

Мудрено ли послѣ того, что Бригитта не такъ ужъ часто переписывалась съ Родригомъ, какъ перемигивалась съ Каммергеромъ. Наконецъ эта послѣдняя связь заспавила забыть первую, и смиренная Бригитта спала желать, чѣмъ Родригъ измѣнилъ ей. Но Родригъ не измѣнилъ своему слову, попому, что никогда не давалъ его; онъ только пріучилъ себя видѣть въ ней свою невѣсту; въ то время, какъ обожалъ втайнѣ Графиню, которая была ему милѣе запрещеннаго плода.

Вдругъ дѣла, удерживавшія его при иностранномъ Дворѣ, были окончаны въ веселую минушу Короля, съ Министрами котораго посольство вело переговоры. Герцогъ опоздалъ своего Посла.

Родрига проняла лихорадка, когда показался городокъ, гдѣ жила Вильгельмина. Спрахъ его еще болѣе увеличивался, когда онъ думалъ, что увидитъ опять Бригитту, и дѣло дойдетъ до объясненія, чего до тѣхъ поръ всегда онъ избѣгалъ. Эта мысль такъ его расстроила, что онъ долженъ былъ посоветоваться съ придворнымъ медикомъ, который былъ совершенный невѣжда въ болѣзняхъ сердечныхъ, и прописалъ ему хины, ревеню и другихъ лѣкарствъ. Этимъ ли лѣчатъ больное сердце? Между тѣмъ надлежало окончить это важное дѣло. Родригъ приказалъ доложить о себѣ Г. Со-

вѣшнику. За день попросилъ онъ у медика крѣпительнаго лѣкарства; но по несчастію, Гоф-Медику, закоснѣвшему въ своей системѣ лѣченія, угодно было прописатьъ въ этотъ важный день другое лѣкарство. Родригъ принялъ его. Легко себѣ представилъ, что не всѣ лѣкарства пригодны въ день объясненія или сватовства. Родригъ вовсе не приготоувился къ дѣйствию своего лѣкарства, и никакъ не подозрѣвалъ ужасныхъ помѣшательствъ, которыя должны были встрѣпиться въ перегоуорахъ самыхъ шрудныхъ на его дипломатическомъ поприщѣ. Сначала все шло порядочно, всѣ радовались его прїѣзду. Было о чемъ разсказать и разсказамъ не было конца. Родригъ былъ такъ милъ, такъ любезенъ, что Бригитта пошчасъ забыла Камергера и рѣшилась кончить все дѣло за одинъ разъ. Опець съ матерью съ неперпѣніемъ ждали развязки; молодымъ людямъ надобно данъ объясниться, думали они; и вышли тихонько изъ комнашы. Наконецъ пробилъ часъ объясненія.

Сеншменшальная Бригитта проямлила нѣсколько помновѣжныхъ словъ; Родригъ опвѣчалъ приличнымъ образомъ. Заговорили, какъ прїятно видѣться послѣ долговременной разлуки, какъ желательнo бы никогда не разставаться, какое счастье жить вмѣстѣ и проч.

Коропко, все шло прекрасно, какъ вдругъ проклятое лѣкарство придворнаго Медика измѣнило весь ходъ вещей. Родригъ хотѣлъ скрыть свое замѣшательство, но у него прошла вся охота къ нѣжности. Онъ спалъ молчаливѣй и пасмурнѣй. Бригитта, приписывавшая эми признаки сильной спрасми, которая боролась въ немъ съ природной застынчивостью, всячески старалась ободрить его и разсѣять столь неумѣстную скромность, но напрасно. Бѣдный Родригъ хмурилъ брови, кусалъ губы, и такъ странно ужимался, что только пылкое воображеніе претяпсповало Бригиттѣ догадаться о настоящей причинѣ его непріятнаго положенія.

Чѣмъ нѣжнѣе спановились взоры Бригитты, тѣмъ шуманнѣе Родриговы. Онъ всячески старался опвѣчать ласковымъ образомъ на ея ласку; но эта учтивость имѣла всѣ признаки опчаянія; наконецъ она это замѣтила, смущилась и пришла еще въ большее замѣшательство, нежели онъ.

—О Родригъ! сказала она, послѣ столь долговременной дружбы не пора ли намъ быть опкровенными другъ къ другу? Но признайтесь, до сихъ поръ вы ни разу не были ко мнѣ опкровенны; на что намъ обманывать самихъ себя? Онъ долго сморѣлъ на нее съ поскливымъ видомъ, который она перешоловала въ

дурную спорону, и сказалъ наконецъ, съ разсѣяніемъ и единспвенно, чтобъ отвѣчать что нибудь: какъ вы это понимаете, прелестная Бригитта?

—Ахъ! сказала она, поднявши глаза къ небу: и мы еще другъ друга не разумѣемъ! ахъ, Родригъ! для чего вы не чистосердечны, для чего не опкровенны къ вашему другу?

—Я не чистосердеченъ? я не опкровененъ? вскричалъ Родригъ удушливымъ голосомъ, бѣгая по комнатѣ, какъ угорѣлый. Больше не могъ онъ сказать ни слова; у него закружилась голова; онъ придумывалъ средства какъ бы уйти.

—Нѣтъ, Родригъ, вы не опкровенны. Я знаю: ну признайтесь, вы любите другую?

—Другую? сказалъ, вздохнувши, Родригъ, и поблѣднѣлъ; ему думалось, что Бригитта намекаетъ на Вильгельмину.

—Вы блѣдите! сказала Бригитта. Ваше лице вамъ измѣняетъ, вы скрываете что-то отъ меня! . . . Съ эгихъ поръ не хочу принимать въ васъ участія, желаю вамъ успѣха. . . оставьте меня.

Сказавъ это, она опустила глаза и ожидала съ нетерпѣніемъ, какое дѣйствіе произведетъ на Родрига это спрасное выраженіе.

Но Родригъ, у котораго одно было на умѣ, не дослушалъ конца этой рѣчи, схватилъ шля-

пу, поцѣловаль мимоходомъ руку у Бригитты и бросилъ вонъ.

На другой день въ городѣ всѣмъ официально было объявлено о свадьбѣ дѣвицы Ландернъ съ Каммергеромъ.

Г Л А В А IX.

нище.

Родригъ боялся, чтобъ Совѣтникъ не спалъ его упрекавъ въ неблагодарности; онъ пошелъ къ нему и признался, что сердце его ужъ занято. Совѣтникъ засмѣялся, и какъ Родригъ оказалъ ему много услугъ и могъ еще не разъ пригодиться, то онъ ни мало не сердился. Слѣдствиемъ примиренія его съ Совѣтникомъ было мѣсто Юспиц-Рапа, которое пожаловалъ ему Герцогъ, чтобъ утѣшить бѣдняжку, упустившего такую богатую невѣсту.

Но Графиня Вильгельмина занимала его болѣе всѣхъ придворныхъ дамъ. Уже Вильгельмина не была та рѣзвая дѣвочка, которая бывало прежде бѣгала къ нему. Теперь важнымъ видъ ея и даже нѣкоторое величiе внушало невольно робость и удерживало Родрига въ границахъ почтенія. Родригъ думалъ, что этому обращенію научила ее Станс-Дама, у которой съ нѣкотораго времени она жила. Эта

Спашс-Дама была напичкана холоднымъ эпитетомъ ; у ней разчислено было , какъ спущишь , какъ взглянушь , гдѣ улыбнушься , гдѣ нахмуришься . Но Родригъ ошибался . Вильгельмина сохранила всѣ свои прежнія чувства и этой спешенности научила ее не Спашс-Дама , а дѣвическая спыдливость .

Однакожь эта ошибка послужила въ пользу молодому Юспиц-Рапу . Онъ почелъ за нужное въздѣлать почаше съ почтеніемъ къ Спашс-Дамѣ ; и шакъ умѣлъ ей угодить , что эта впрочемъ гордая барыня не могла ему оказашъ въ своемъ уваженіи и дружествѣ . Она часто приглашала его въ свой кругъ , заманивала безпрестанно въ гости , и Графиня , дорожившая всегда дружбою Родрига , не безъ удовольствія смотрѣла на его пріѣзды .

Тутъ возобновилось мало по малу старинное знакомство , которое спало нѣкоторымъ образомъ еще короче . Вильгельмина , прекрасная собою и близкая родственница Герцогу , была предметомъ вздыханій и обожанія всѣхъ придворныхъ . Она ихъ шакъ наслушалась , что еслибы и Родригу вздумалось сказашъ ей чтонибудь лестное , то это было бы для ней не новое . Но никогда не слыхала она отъ него ничего похожаго на то , и скромное почтеніе , которое онъ ей оказывалъ , было даже не рѣдко исполнено какою - то непринужденностью .

Графиня обходилась съ нимъ дружески, но эша дружба была для любовника гораздо хуже явной ненависти.

Однажды въ замкѣ у Спатс-Дамы съѣхалось множество гостей, пріѣхалъ и Родригъ. Прелеспная Вильгельмина украсила собой весь праздникъ. Пошли гуляшь въ роцу, и скоро въ концѣ темной просѣки показался сквозь листья густой дымъ.

Эшо не оспановило госпей; выбравшись изъ роци, увидѣли они на полѣ подь деревомъ семью нищихъ, варившихъ себѣ обѣдъ. Два мальчика, лѣшь по шеспи, прыгали около муцины, копорого называли опцемъ; дѣвочка лѣшь чепырехъ пособляла матери развѣшивать бѣлье на куспахъ шиповника. Любопытно и пріятно было смопрѣшь на ласки дѣшей къ опцу и матери, копорые имъ шѣмъ же плашили. Они вѣрно полагали, что никого нѣшь, кромѣ ихъ въ эшомъ уединенномъ мѣспѣ, и предавались изліянію своихъ чувствъ.

Вильгельмина шакъ занялась эшой картиной, что забыла гостей и все шла съ Родригомъ впередъ, чтообъ разсмопрѣшь вблизи эшихъ бѣдняковъ. Она сѣла подь куспомъ, а Родригъ подлѣ ней.

—Эши люди бѣдны, очень бѣдны, а между шѣмъ счастливы, сказала она шопомъ Род-

ригу; смотря на него приспально, и на глазахъ у ней казалось навернулись слезы.

—Безъ сомнѣнія счастливы, а вы знаете, Графиня, покрайней мѣрѣ, изъ книгъ, что чины и богашства не всегда порука за счастье. Оно чаще бываетъ удѣломъ людей не богатыхъ.

—Ахъ, съ какою бы радостію отказалась я отъ богашства, отъ знаиности, еслибъ это отъ меня зависѣло! сказала Вильгельмина. Такъ, я согласилась бы жить въ бѣдности, какъ эти люди, и имѣть отца, мать, сестеръ, братьевъ... но у меня никого нѣтъ родныхъ!.. какое счастье жить въ своемъ семействѣ! Ахъ! я никогда не знала его.

—И я! сказалъ печально Родригъ, думая о несчастномъ своемъ отцѣ, шаможенномъ сморщивъ и о шесткѣ.

Тупъ разговоръ у нихъ спалъ искреннѣе. Родригъ жаловался на свое сиротство въ молодости. О! еслибъ живъ былъ у меня отецъ, я съ радостію спалъ бы для него просить милостиню, сказалъ онъ. Потомъ говорилъ съ умиленіемъ о старой своей родственницѣ и слезы капились у него по щекамъ.

—А я! а я! сказала Вильгельмина, также заплакавши. Что моя была за жизнь? Я никогда не знала своей матери; у меня никогда не было тепки, ни одного роднаго.

—Вы, по крайнѣй мѣрѣ видѣли ласки опѣ опца, а я... Тупѣ шяжкѣй вадохъ заглушилъ ея голось. Никогда не разговаривали они съ шакою опкровенностию; и когда среди эшого сердечнаго излїянїя, Родригъ схватилъ руку Вильгельмины и вскричалъ: о! для чего я вамъ не брашъ? она нѣжно на него взглянула и ласково опвѣчала: о! какъ бы я васъ тогда любила! Такъ позволше мнѣ бышъ вашимъ брашомъ! сказалъ онъ нѣжнымъ голосомъ и съ видомъ споль убѣдительнымъ, что Вильгельмина была пронуса.

—Такъ, сказала она, шакъ Родригъ! если вы можеше бышъ мнѣ брашомъ, испиннымъ брашомъ, если можеше бышъ опкровеннымъ, чиспосердечнымъ, добрымъ, какъ наспоящїй брашъ, шо найдеше во мнѣ сеспру. Ни съ кѣмъ я не говорила шакъ опкровенно о своемъ семейспвѣ, какъ съ вами, и ништо не говорилъ мнѣ шакъ чиспосердечно о своемъ семейспвѣ, какъ вы. Не покиньше меня, и я конечно спану принимашъ учаспїе въ вашей судьбѣ, какъ испинная сестра.

—Милая Вильгельмина, милая сепра, сказалъ Родригъ, прижалъ ея къ сердцу и поцѣловалъ, хопя не безъ спраху. Эшопѣ поцѣлуй былъ немножко продолжипелень для брашскаго поцѣлуя; но не надобно забывашъ, что ни шопѣ, ни другой никогда ни цѣлова-

ли ни брашна, ни сестры; и на первый разъ удовольствіе, которое они въ эту минушу чувствовали, было очень извинительно. Семейству нищихъ была польза отъ этого родства; ибо Родригъ съ Вильгельминой, схватившись за руку, подошли къ бѣднякамъ и отдали всѣ свои серебряныя деньги, въ тѣхъ мысляхъ, что исполняютъ только священный долгъ человѣколюбія.

Вечеромъ былъ балъ у Спасиц-Дамы. Надо было посмотрѣть, какъ панцовали братья съ сестрой; никогда чувства родства не придавало такой прелести и ловкости.

Г Л А В А X.

РИДИКЮЛЬ.

Напрасный былъ бы трудъ описывать счастье Родрига. По званію Юстиц-Рапа онъ пользовался въ судѣ при всякомъ случаѣ правомъ прощать подсудимыхъ. Да и могъ ли онъ быть судьей спротивъ, вспомнивъ о своей милой сестричкѣ?

Это родство доставило ему сверхъ того многія выгоды, которыя бы вѣрно отдалъ онъ всѣ за другой брашской поцѣлуй. Напримѣръ, спарой больной Герцогъ чаще призывалъ его во дворецъ, чтобы совѣщываться съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ. Родригъ былъ ма-

сперъ чипашъ и чипывалъ Герцогу новыя книги. Наконецъ Герцогъ такъ къ нему привыкъ, что не могъ обойтись безъ него, и пожаловалъ Тайнымъ Совѣтникомъ. При Дворѣ было заговорили: удивлялись, что Государь, у котораго во всю жизнь не было любимца, завелъ себѣ фаворита подъ спарость; говорили, но шѣмъ ниже преклонялись предъ новымъ восходящимъ свѣтиломъ.

У Родрига опъ того не легче было на сердцѣ. Онъ бы согласился служить Таможеннымъ Смотрителемъ, какъ покойный его отецъ, только бы жить съ Вильгельминой. О! онъ не спалъ бы ни кому завидовать!

Съ каждымъ днемъ возраспала довѣренность Вильгемины къ брату, который, со всею брапскою откровенностью разсказалъ ей, что онъ всегда любилъ ее болѣе всего на свѣтѣ, и никогда не думалъ о дѣвицѣ Ландернѣ. Сеспра призналась ему, также съ простодушіемъ, что она много слезъ пролила, когда отправился онъ съ посольствомъ, и очень часто ѣздила къ Бригиттѣ, чтобы узнать о своемъ миломъ Родригѣ.

Вдругъ неожиданное обстоятельство разспроило счастье молодыхъ людей. Графиня садилась однажды съ своимъ братомъ въ карешу; они ѣхали вмѣстѣ къ Герцогу, который всегда съ большимъ удовольствіемъ видалъ дочь

свою. Лакеи уже хотѣли захлопнуть дверцы, и кучеръ поднялъ бичь, чѣмъ ударить по лошадамъ, какъ вдругъ Вильгельмина велѣла останавитсья и спала искашь ридикюля: она его забыла !

Родригъ выскочилъ изъ кареты и бросился за нимъ въ покой. Графиня успѣла только ему закричашь, чѣмъ онъ лежишь, на шуалешъ Спашс-Дамы.

Родригъ побѣжалъ въ комнаты Спашс-Дамы; отворилъ десяперо дверей и очутился наконецъ въ свящилищѣ, куда не входилъ ни одинъ профанъ. Въ комнатѣ не было ни души; вездѣ стояли шуалешы, но ридикюля ни гдѣ не видашь было. Наконецъ добрался онъ до будуара Спашс-Дамы: на шуалешъ лежало пропасть бумагъ, счешовъ, писемъ и... ридикюль. Онъ схватилъ его и принесъ къ Графинѣ. Карета помчалась.

Дорогою Графиня полѣзла въ ридикюль за плашкомъ; она выпатила его, а съ нимъ выпало письмо при въ карету.

—По всему видно, милая сесприца, чѣмъ вы прачете свою переписку въ эпомъ ридикюль! сказалъ Родригъ, подымая письма. Графиня увѣряла, чѣмъ сама не знаешъ, откуда онѣ взялись.

—Позвольте на эпомъ разъ усумнитсья въ вашемъ чистосердечіи, сесприца, сказалъ Род-

ригъ, я виновашъ можешь бышь но дайше прочесть хоть одно письмецо.

—Да, читайше, пожалуй всѣ! сказала Графиня, засмѣявшись, и Родригъ развернулъ письмо. Вдругъ перемѣнился онъ въ лицѣ; пробѣжалъ впорое, претше, казался внѣ себя, и сказалъ насилу переводя духъ: Графиня, какъ къ вамъ попались эти письма? Графиня ужаснулась, взглянувъ на него: на немъ лица не было.

Ради Бога, скажише, Родригъ, что съ вами сдѣлалось? сказала она.

—Какъ зашли къ вамъ эти письма? повпорилъ онъ задыхающимся голосомъ. Графиня еще болѣе удивилась, взглянула на плашокъ, на ридикюль, и захохотала. Ахъ, Боже мой! вскричала она, что вы надѣлали! вѣдь вы схватили ридикюль Спапс - Дамы. Велише поскорѣѣхашъ назадъ и бѣгите извинишь въ вашей ошибкѣ. Скажешъ же она вамъ проповѣдь о вѣтрености молодыхъ людей!

Поздно ужъ было ворочаться: въ эпу минушу кареша подѣхала къ крыльцу дворца. Выходя изъ карепы, Вильгельмина смѣялась и шушила надъ замѣшательствомъ Родрига; но онъ казался мраченъ, задумчивъ и встревоженъ. Графиня рассказала Герцогу о случившейся ошибкѣ, и пакъ забавно, что спарый Государь пому очень смѣялся. Но Родригъ просиль у

Герцога позволенія переговорить съ нимъ наединѣ, и они ушли. Вильгельминѣ показался эшотъ поспунокъ не слишкомъ учтивымъ: съ досады пошла она въ ближнюю залу, гдѣ нѣсколько опять развеселилась въ кругу дамъ и придворныхъ кавалеровъ, шамъ находившихся.

Черезъ часъ приказалъ Герцогъ всѣмъ объявить, что онъ не выйдетъ, и Родригъ не приходилъ. Два Министра, сидѣвшіе въ гостиной и нѣкоторые знашныя чиновники были вызваны и не воропились. Спашс-Даму также попребовали и она также не явилась. Все въ замкѣ предспавляло спранный видъ. Разѣхались рано и Графиня одна возвратилась домой. Лишь только пріѣхала, какъ съ ужасомъ узнала, что все опечатано у Спашс-Дамы, которую самую взяли и посадили подъ арестъ.

Въ одинадцать часовъ ей доложили, что Родригъ проситъ позволенія поговорить съ ней.

Онъ былъ одѣтъ по дорожному: Вильгельмина была блѣдна и дрожала.

—Что случилось? спросила она, какъ скоро онъ вошелъ. Позвольте мнѣ поговорить съ вами наединѣ, сказалъ онъ и камерфрау всѣ были опосланы.

—Милая Вильгельмина, сказала онъ тогда, сохраните ко мнѣ чувства сестринской любви. Герцогъ посылаетъ меня въ Неаполь, чѣмъ спасти Принца Ксаверія и привезсти сюда. Открытъ гнусный заговоръ. Старому Герцогу жить конечно не долго и по смерти его одинъ Наслѣдный Принцъ мѣшалъ передать Государство во владѣніе Князю ***. Былъ составленъ планъ людьми, которые опасались возвращенія молодаго Принца и его преобразованій; уже вступили въ переговоры для изключенія его изъ наслѣдства. Однимъ словомъ, милая Вильгельмина, моя ошибка и письма найденныя въ ридикюль Спагс-Дамы все открыли. Родригъ опправился въ ту же ночь. Слезъ пролило было не мало. Брашецъ съ сестрицей не разъ принимались прощаться и цѣловаться: они расставались на долго.

ГЛАВА XI.

ПЕРВЫЙ МИНИСТРЪ.

Наслѣдный Принцъ жилъ въ Неаполь, среди забавъ и удовольствій, ни мало не думая о возвращеніи во владѣнія своего опца. Въ письмахъ, которыя получалъ онъ, всегда писали къ нему, что Герцогъ не наладуется, слыша,

что онъ занимается изученіемъ законовъ и постановленій иноспранныхъ государствъ ; а Принцъ, съ своей стороны радовался этому опеческому снисхожденію, хопя занимался законами и постановленіями Ипаліи гораздо менѣе, чѣмъ оперою и Неапольскими веселостями. Впрочемъ молодой Принцъ не зналъ о болѣзни опца; онъ былъ окруженъ измѣнниками, и это было не безъ намѣренія. Всѣ люди при немъ находившіеся получали болѣе жалованья опъ перваго Миниспра, нежели опъ спараго Герцога, и всѣ письма, изъ копорыхъ могъ бы онъ узнать о наспоющемъ положеніи дѣлъ были тщательпо перехватываемы.

Принцевы люди съ безпокойствомъ смотрѣли на пріѣзжаго молодаго незнакомца, хопя и не догадывались о причинѣ его пріѣзда; но черезъ день все дѣло опкрылось.

Родригъ вручилъ Принцу письмо, писанное рукою Герцога, опкрылъ ему всѣ происки, посредствомъ копорыхъ удерживали его такъ долго за границей и надѣялись лишить престола.

Принцъ не спалъ долго думая. Онъ приказалъ взять подъ карауль всѣхъ своихъ людей и разсмотрѣть ихъ бумаги. Тамъ найдены ясныя доказательства ихъ преспуленія. Принцъ опдалъ ихъ подъ судъ, а самъ поскакалъ съ Родригомъ въ Германію.

Тогда только, когда очутились они въ коляскѣ, вздумалъ Принцъ поблагодарить Тайнаго Совѣтника. Онъ взялъ Родрига за руку, пожалъ ее съ чувствомъ признательности и сказалъ: сколько я обязанъ вашей честности и благородію! вы спасли мнѣ честь, престоль и можете быть самую жизнь.

Скромный Родригъ улыбнулся: Ваша Свѣтлость, опивчалъ онъ, я только заплашилъ спарый долгъ. Вы меня не узнаете, вѣдь вы меня заставили учиться.

—Кшо, я? Да какъ эшо?

—А помнишели какъ вы спояли съ полкомъ въ ***?

—Не ужшо! возможно ли? Такъ эшо пы?...

—Точно шакъ Ваша Свѣтлость; я шопъ самый мальчишка, который спасъ васъ во время землетрясенія.

—А! а! Да кудаже дѣвалась красонка? Какъ бишь ее звали?

—Она вышла за пкача.

—И дѣло: да какъ эшо лукавый занесъ тебя ко Двору! какъ пы попалъ въ любимцы къ башюшкѣ? Ну-ка, расскажи!

Родригъ рассказалъ ему всю свою испорію, начиная отъ землетрясенія до ридикюля, только пропустилъ главу о нищихъ: Принцамъ не все же должно знать.

Путешественники подъѣзжали уже къ границамъ Германіи, какъ Принцъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца. Спараго Герцога разбилъ параличъ при выходѣ изъ за обѣда.

Новый Герцогъ горько заплакалъ о смерти отца, и, крѣпко обнимая Родрига, говорилъ: не оставляй меня. Ты будешь моимъ Совѣшникомъ, сохрани для меня своимъ благоразуміемъ то, что доставилъ мнѣ своею вѣрностью.

ГЛАВА XII.

ИСПАНСКІЙ ТАБАКЪ.

Всѣ знаютъ, какія случились перемѣны при Дворѣ, и какъ милосриво Герцогъ поступилъ съ людьми, замѣшанными въ заговоръ. Извѣстно также, что онъ друга своего Родрига пожаловалъ Графомъ и первымъ Министромъ. Но не всякому извѣстно, что смерть Герцога поразила Графиню Вильгельмину сильною горестію, которая уменьшилась только по возвращеніи брата ея Родрига.

Графиня жила тогда въ своемъ помѣстьѣ, потому что новый Герцогъ изрѣдка приглашалъ ее ко двору. За то Министръ ѣздилъ часто къ ней въ гости, но все не такъ часто, какъ бы хотѣлось.

—Любезный Графъ, сказалъ однажды Герцогъ, нельзя въ одно время услужить двумъ господамъ. Я замѣчаю, что тебя часто не бываетъ въ городѣ.

Министръ покраснѣлъ.

—Ты ѣдешь къ Графинѣ. Она знаетъ, что у тебя пропасть дѣла: почемужь бы ей самой не ѣздить чаще въ резиденцію?

Министръ сильно закашлялся.

—Мнѣ надо кончить вашъ романъ, какъ во-
дился, свашьбою. Ты любишь Графиню.

Министръ пробормоталъ: Ваша Свѣп-
лость, вы меня проспите . . . давнишнее зна-
комство. . . я люблю ее, какъ родную сестру.

—А если посваваю за тебя Графиню, ты не разсердишься?

—Ахъ! сказалъ Министръ со вздохомъ, если
Графиня . . . я былъ бы счастливейшимъ че-
ловѣкомъ! . . . но Графиня. . .

—Ужъ эпо не иное дѣло! сказалъ Герцогъ,
къ помужь я самъ очень люблю Графиню.
Мнѣ жаль, что она не ѣздитъ ко Двору. Мо-
жетъ спашься почишаетъ она меня какимъ
нибудь нелюдимомъ, но право ошибается. Да
объ эпомъ послѣ поговоримъ.

На слѣдующій день, когда Министръ явился
съ бумагами во дворецъ, Принцъ, приподнявъ
половину обоевъ, закрывавшихъ дверь, сказалъ:
подика - спрячься шуда. Сей часъ прїдетъ

Графиня. Я даю ей аудиенцію : ты все услышишь сама.

Министръ всячески опговаривался, но должно было спряпаться.

Графиня вошла. Послѣ первыхъ привѣтствій , Герцогъ спалъ шупя жаловаться на неисправность своего Министра, на частыя его оплутки, и просилъ Графиню, какъ друга, дать ему какойнибудь совѣтъ. Графиня слушала его, не показывая ни малѣйшаго смущенія.

—Мнѣ еще нужно вамъ кой-что сообщить, Графиня, сказалъ Герцогъ : я въ бапиюшкиныхъ бумагахъ отыскалъ спашью, которая до васъ касается. Онъ приказываетъ мнѣ заботиться о вашей участи, со всею брапскою нѣжностью, и современемъ прискашъ вамъ жениха.

Вильгельмина потушила прекрасные свои глаза. Чшожь ей было отвѣчать ?

—И шакъ позволше спросишь, не выбрали ли ужъ вы сами челоѡва? Графиня все молчала.

У Родрига сердце сильно забилося, онъ едва переводилъ духъ. Поспой! думалъ онъ, кого-то она назоветъ.

Министръ подспавилъ ухо, чтобъ не проронишь ни слова; при эшомъ движеніи шкнулся онъ лицомъ на шинель Герцога, которая по случаю шупъ висѣла; въ нее наби-

лось пропасть Испанскаго табаку, который Его Свѣпшлость употреблялъ не слишкомъ умѣренно. Нѣсколько апомовъ этого благовоннаго распенія слепѣло съ шинели, попало въ носъ Родригу и произвело легкое раздраженіе. Родригъ всячески удерживался, чшобъ не чихнуть шакъ не во время.

Герцогъ, не знавшій о замѣшательствѣ и безпокойствѣ своего друга, продолжалъ разговаривать съ Графиней, и, какъ ему казалось, что ея сердце еще свободно, по просилъ позволенія посвататься за нее челоуѣка, который, по добродѣтелямъ своимъ, былъ достоинъ ея руки.

Тутъ Графиня почувствовала почто шакоежъ замѣшательство, какое Родригъ въ своей засадѣ.

—Еслибъ напрімѣръ, сказалъ Герцогъ, предложилъ я вамъ моего друга Родрига.

Графиня вспыхнула и не знала что сказать.

—Какъ! подхватилъ Герцогъ, спало онъ вамъ не нравиться?

—Совсѣмъ нѣтъ, сказала Графиня, я уважаю Графа Родрига. . . .

—Какъ брата, можешъ спаться, сказалъ Герцогъ усмѣхнувшись. Но еслибъ въ эту минупу онъ бросился къ вашимъ ногамъ, спаль просить вашей руки; еслибъ я вспунилъ за него. . . .

Родригъ опять наклонился, чѣмъ лучше разслушать отвѣтъ, и опять пабачная пыль, посыпалась съ Герцогской шинели и попрыскала у него весь мозгъ въ головѣ. Онъ никакъ уже не могъ въ эпошъ разъ удержаться, чихнулъ и шакъ сильно, чѣмъ носомъ преснулся объ обои и высунулся изъ подъ шпофа.

Герцогъ, во все того неожиданшій, испугался и ошкочилъ на нѣсколько шаговъ, почтено шакже, какъ нѣкогда въ хлѣбнѣ у булочника; Графиня не менѣ удивилась, увидя эпу искривленную рожу. А Миниспръ? онъ чихнулъ ровнехонько шестъ разъ сряду, поднявъ собою половину обоевъ. Ахъ! вскричалъ онъ наконецъ, смерть моя!...

Принцъ помиралъ со смѣху, Графиня шакже; самъ спрадалецъ захохоталъ шакъ громко, чѣмъ заглушилъ смѣхъ свѣшлѣйшихъ особъ. Онъ бросился, смѣясь, къ ногамъ прелесной своей сеспры, кошорая шакъ захохоталась, чѣмъ не могла произнести ошказа.

Вошъ какъ Родригъ спалъ супругомъ прекрасной Графини!

З А К Л Ю Ч Е Н И Е .

Ушромъ, на другой день свашьбы, входилъ челошкъ, и докладывалъ, чѣмъ какой-шо незнакомый просилъ позволенія войти и никакъ не хочелъ безъ того ошспашъ. Графъ сидѣлъ

съ своей молодой супругой и не велѣлъ его приниматьъ. Тогда незнакомый присылаетъ карпочку, на которой карандашемъ написано было: Гейвенъ.

—Какъ! Гейвенъ! вскричалъ Родригъ. Старинный мой Университетскій пріятель! пустишь! пустишь!—Между тѣмъ разказалъ онъ Вильгельминѣ какимъ образомъ подружился съ Барономъ Гейвеномъ, самымъ прекраснымъ, самымъ богатымъ, самымъ знающимъ молодымъ человѣкомъ во всемъ Университетѣ; какимъ образомъ они побрапались и повпорилъ слова Гейвена, сказанныя имъ при прощаньѣ : „если ты будешь несчастливъ, Родригъ, то приходи ко мнѣ, у меня будешь съ тобою все пополамъ.“

Въ эту минушу вошелъ богатый Баронъ. О Боже мой, какая переменна! Родригъ насилу узналъ его. Это былъ человѣкъ сухощавый, съ лицомъ блѣднымъ, въ замасленномъ кафтанѣ, въ спарыхъ изорванныхъ башмакахъ, весь въ грязи.

—Какъ! это ты, Гейвенъ! сказалъ Родригъ, который ужъ прощанулъ было руки обнять его, и шеперь споялъ какъ камень на одномъ мѣспѣ! Гейвенъ низко поклонился: это я! . . . Простите, Ваше Сіятельство, что осмѣливаюсь всѣ беспокоить; но я бѣглець и прошу

покровительства. Сей часъ придупъ пребывашь моей выдачи.

— Да за что, скажи, пожалуйста?

— За то, что вмѣсто кофе сварилъ табаку.

— Ты, Баронъ! Да какъ это?

— Такъ! я принялся не за свое ремесло.

— Не за свое ремесло, Баронъ Гейвенъ?

— Да, Баронъ Гейвенъ, принужденъ былъ отказаться отъ дворянства.

— По какому случаю?

— За органы.

— Невозможно!

— Невозможно — а я лишился имѣнія и доведенъ до нищенства. Но я пребылъ честнымъ человѣкомъ, хотя несчастіе гнало меня до дому Вашего Сіятельства, куда ваши люди насилу впустили, меня видя бѣдную мою одежду.

— Право, Гейвенъ, ты говоришь какія странности, что я ни слова не понимаю изъ твоихъ рѣчей,

— Быть можетъ, но это суцая правда. Счастіе и несчастіе зависятъ отъ пустяковъ, и какія нибудь бездѣлицы больше имѣютъ вліянія на нашу участь, чѣмъ добродѣтели и дарованія.

Родригъ вспомнилъ о квашнѣ, копорая вывела его въ люди, бараньемъ хвостъ, копорый былъ причиною его женишбы, пудерманшелъ, копорый доснавилъ ему дворянство, лѣкар-

спивъ и ридикюль, за кошорья былъ пожалованъ первымъ Миниспромъ, и не могъ не согласиться, что Баронъ говоритъ правду.

—Успокойся, любезный Гейвень, сказала Родригъ, съ нами боисься шебъ нечего!

И дѣйствительно Гейвень нашель опять своего друга.

Съ Франц. Т. ш.

IV.

Къ N. N.

La vanité a un souffle qui dessèche tout.

BALZAC.

Нѣшь, ты не поняла поэта,
И не поняшь шебъ его:
За чѣмъ же спрашивашь ошвѣща
Ему у сердца швоего!

Не для небесныхъ вдохновеній,
Не для любви созрѣла ты;
Но для безжизненныхъ волненій,
Но для мершвящей суешы.

Но многихъ голосъ швой обманешъ,
Но многихъ взоръ швой соблазнишь;
Хошь никогда слеза не канешъ,
Слеза любви, съ швоихъ ланишь.

Тебѣ не вяшны сердца споны

И жершва сердца не нужна:

Ты, какъ паркешные законы,

И суешна и холодна.

И я пророчу день печальный,

Когда губишельный разсчешъ

Тебя предъ жершвенникъ вѣнчальный

Съ блестящимъ шумомъ поведешъ.

Смѣшныя думы я покину,

Насъ помиришь судьба швоя:

Не разъ Рафаэля картину

Въ дому невѣжды видѣлъ я.

Кружись, блискай на сценѣ свѣша:

На ней шанъ сладко шоржештво!...

Нѣтъ, шы не поняла поэша,

И не поняшь шебѣ его!...

Н. Павловъ.

V.

МЫСЛИ

О ПРИЧИНАХЪ УПАДКА КРЕДИТА ВЪ ДВОРЯНСКОМЪ СОСЛОВІИ И СРЕДСТВАХЪ КЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІЮ ОНАГО.

—Дворянство — вѣрная и крѣпкая ограда преспола: умъ и душа народа.

Маниф. 1814. Авг. 30.

Выступая въ первый разъ на поприще, мнѣ совершенно новое, и боясь впаспѣ въ ложное сужденіе, я рѣшился повѣрить мои мысли, прежде предложенія ихъ Начальству, сужденіямъ людей болѣе меня опытныхъ и публики вообще. Вошъ почему, предлагая мои мысли на судъ, я ожидаю на оныя замѣчаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣюсь снисхожденія къ первому моему опыту.

Разсуждая объ упадкѣ кредита въ Дворянскомъ Сословіи, и, обращая мысли мои на внутреннее хозяйство Государства, я открываю причину упадка кредита въ *маломъ движеніи капиталовъ*: ибо истинный вещеспвенный капиталъ Дворянства не только не уменьшается, но ежегодно, ошъ прирожденія рабочихъ рукъ и усовершенствованій по части земледѣльской, усиливается. Денежный же капи-

паль, по моему мнѣнію, даже превышаетъ сумму, надобную для ежегоднаго оборота: ибо есть много капиталовъ, безъ движенія оспяющихъ; вызовите оныя къ дѣятельности и множеству рабочихъ рукъ, обезпеченныхъ уплатою, обращаясь къ занятіямъ. Богатство же зависить не отъ количества мершвыхъ капиталовъ, а отъ скорого оныхъ движенія внутри Государства и народной дѣятельности.

Принявъ мысль сію за основаніе моего сужденія о семъ предметѣ, и, приравливая ее къ существующему образу кредитивныхъ учрежденій, я полагаю за одну изъ важныхъ причинъ упадка кредита въ Дворянскомъ сословіи: прудность при закладѣ имѣній въ Опекунскіе Совѣты, Приказы Общественнаго Призрѣнія и Государственный Заемный Банкъ. Другая причина заключается въ спрогости при взыскиваніи процентовъ по займамъ, и необходимости прибѣгать въ таковомъ случаѣ, сверхъ казенныхъ займовъ, еще къ частнымъ: чѣмъ благодѣтельная цѣль основанія Банка Опекунскаго Совѣта явно не достигается. Допустивъ же нѣкопорыя посему облегченія, неудобство это кажется должно уничтожиться. А для сего не полезноли бы было учредить новый родъ добавочнаго займа на слѣдующемъ основаніи?

1) По имѣніямъ, коихъ часть капиталной суммы займа уже уплачена, допустивъ до-

бавочный заемъ, по шому же свидѣтельству, до полной суммы оцѣнки имѣнія, со взносомъ на новый добавочный заемъ преміи; а для меньшей сбивчивости при уплатѣ процентовъ соединить оную въ одинъ срокъ, и разчипать всю сумму новаго займа, для окончательной уплаты капитала, опъ первоначальнаго займа особо.

2) Предоставить право, какъ при новомъ, такъ и добавочномъ займахъ — занимать не всю оцѣночную сумму имѣнія; а сколько кому потребуется, не лишаясь права еще, подъ ноже имѣніе, дѣлать добавочные займы и плаща преміи только съ шой суммы, копорая занимаетса.

3) Уничтожить правило: оставленія нѣсколькихъ душъ изъ имѣнія свободными, налагать запрещеніе на все имѣніе вообще, (на копорое взято свидѣтельство), хотя бы не вся онаго оцѣночная сумма была занята, и буде кто пожелаетъ продать часть онаго, то позволять не иначе, какъ отдѣливъ, на остающіяся въ залогъ души, достаточное количество земли и угоды круглой межей, а чрезполоснаго опмежеванія не допускать. Да и самыя, остающіяся въ залогъ души, хорошо бы свидѣтельствовать въ наличности оныхъ и въ опмежевкѣ на оныя земли, Земской Палиціи: ибо могло бы случиться что остающіяся

въ залогѣ души, оказались : выморочными, опданными въ солдапы или бѣжавшими , чѣмъ цѣннось имѣнія измѣнились. Почему, оставляя оныя семьями по ревизской сказкѣ, выключашь убылыхъ изъ счѣта душъ, на кои можно получашь заемную сумму, дозволяя впрочемъ замѣшашь убылыя въ семьяхъ души ; рожденными въ оной же семьѣ послѣ ревизіи. Такъ равно и продажу на свозъ изъ оныхъ имѣній, разрѣшашь на помѣ же основаніи семьями ; дворовыхъ же продажу допусшшиъ порознь, выключая оныхъ изъ числа душъ на свидѣтельство.

4) При семь, кажешься, удобно бы было, для большаго облегченія, терпѣть неплатежъ проценповъ по пѣмъ займамъ , по копоримъ уже заплачена частъ капитала, до пѣхъ поръ, пока не возрастешь долгъ до полной оцѣнки имѣнія. Давая льготу для уплаты проценповъ на четьре мѣсяца, по испеченіи оныхъ, не заплаченные проценты причипашь въ долговую сумму на основаніи добавочнаго займа, съ взысканіемъ преміи: ибо часто случаеться что должникъ, желая уплаты проценты, чтобы не допусшшиъ до аукціонной продажи , занимаешь въ частныхъ рукахъ для уплаты оныхъ, и, не имѣя свободнаго имѣнія для обезпеченія, прибѣгаеть къ ростовщикамъ, чѣмъ явно благодѣтельная цѣль учрежденія Сохранной Казны не доспигаеться.

5) Такъ какъ, по вновь изданному положенію, имѣнія несоспояпельныхъ должниковъ, во избѣжаніи злоспнаго банкротства, заложенныя въ Банкахъ, дозволено продавать по пребованію Конкурсовъ съ публичныхъ порговъ, съ переводомъ долга, по полагаю возможнымъ тѣ имѣнія, на кои добавочный заемъ можешь удовлетворить претензіи, не подвергать аукціонной продажѣ; а по распоряженію и пребованію Конкурсовъ или Управы Благочинія, выдавать сіи суммы на удовлетвореніе, представленныхъ ко взысканію заемныхъ писемъ, (если должникъ опзовешся несоспояпельностію), онымъ Конкурсамъ или Уравамъ, на основаніи положенія : объ удовлетвореніи частныхъ претензій и казенныхъ недоимокъ, удерживаемыхъ при новыхъ займахъ въ видѣ добавочныхъ займовъ.

6) Еще, по моему мнѣнію, важнымъ неудобствомъ и большою причиною распройства служить также то, что для всѣхъ оборотовъ по займамъ, помѣщики, не имѣя кому поручить дѣлъ своихъ, принуждены сами прѣзжать въ столицы. Это составляетъ часто значительныя издержки; мнѣ кажется, не вспрѣшилось бы большаго неудобства облегчить сіе—соединеніемъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія съ управленіемъ Воспитательныхъ Домовъ. Ибо цѣль обеихъ есть: *Богоугодное Призрѣніе Че-*

ловѣстства; а капишалы ихъ, шаковымъ образомъ соединясь, соспавили бы во всѣхъ Губерніяхъ Банки. Сіе тѣмъ удобнѣе, что уже есть шпаты и Чиновники при Приказахъ; предоспавивъ имъ дѣйспвовашъ, какъ *Конторалѣ Сохранной Казны*, по еспъ: принимаешъ опъ живущихъ шамъ уплапы по закладамъ и выдавашъ, какъ по новымъ, такъ и по добавочнымъ займамъ, деньги, предписаешъ имъ во всѣхъ случаяхъ, относихся къ *Центральному Совѣту*, для общаго соображенія; по займамъ выдавашъ не иначе, какъ по его разрѣшенію, во избѣжаніе всякаго подлога; равно и препензіи частныхъ лицъ, при выдачахъ, удовлетворяемы бышъ должны по испыпаніи законности оныхъ, съ назначенія Центрального же Совѣша. Припомъ предоставишъ право закладывающимъ получаешъ деньги, *едѣ кому угодно*; равно назначашъ выдачи *другому лицу и въ другомѣ мѣстѣ*, препровождая сіи суммы для выдачи по назначенія адреса въ Градскія или Земскія Полиціи.

Такимъ образомъ упростишся образъ займовъ тѣмъ, что помѣщикъ, заложившій свое имѣніе и имѣющій нужду еще въ деньгахъ для новаго займа подъ поже имѣніе, не будешъ принужденъ выкупаешъ имѣнія, (какъ по до сихъ поръ иные дѣлали), и вновь его по новому свидѣшельствву закладывашъ; эшо уносишъ очень много времени и сверхъ того предспав-

лется шо неудобство, что имѣющему нужду въ деньгахъ, неопшкуда будетъ взять ихъ для выкупа за малые проценты: ибо онъ не имѣетъ обезпеченія. Допустивъ же вышеизложенныя облегченія, неудобство сіе уничтожится, и помѣщики найдутъ способъ уплатить частныя долги и впредь оныхъ не дѣлать, чѣмъ кредитъ возстановится и обороты облегчатся; да и при случающихся неурожаяхъ, помѣщики уже озачоченные своимъ собственнымъ и крестьянъ своихъ содержаніемъ, не будутъ въ опасности, ошъ необходимой неаккуратности плашежа процентовъ, лишиться имѣнія. Такъ равно и при случающихся пожарахъ, для выспройки и обзаведенія, часто прибѣгаютъ къ частнымъ займамъ, и попомъ, имѣя казенный долгъ, и еще ишъснимые заимодавцами, прибѣгаютъ къ продажѣ частна имѣнія, чѣмъ Дворянскіе капиталы дробятся, а рѣдко случается, чтобы въ послѣдствіи сіи поперя были хозяйственнымъ образомъ вознаграждены прикупкою вновь таковой же частна имѣнія. По предположенію же моему, имѣя всегда подъ рукою возможность имѣть деньги на оборотъ, и, предвидя возможность ихъ заплатитъ (ибо сей заемъ никогда не превыситъ цѣны имѣнія), цѣлость оныхъ сохранится ненарушимо и опшрашится, со временемъ необходимо имѣющая воспослѣдовать, дробность имѣній. Да и сверхъ того,

напримѣръ—при раздѣлахъ имѣній между наслѣдниками, для уравниенія частей наслѣдства, найдутся они деньги подъ рукою; или при продажахъ: покупатель не обязанъ будетъ имѣть всѣхъ денегъ вдругъ, и капиталы, нынѣ безъ оборота лежащіе въ Банкахъ, пускаются въ ходъ; ибо многіе, даже изъ неимѣющихъ нужды въ деньгахъ, дабы, при непредвиденныхъ внезапныхъ случаяхъ, имѣть возможность скорѣе получить деньги, хотя въ ничтожной въ сравненіи съ цѣною имѣнія суммѣ, заложили оное, дабы въ послѣдствіи нужныя суммы брать въ видѣ добавочныхъ займовъ, чѣмъ почти можно сказать не доставится никакой выгоды владѣльцу, (ибо имѣніе, спящее на примѣръ ста тысячъ рублей, заложенное въ тысячу рублей, легко и незамѣтно можетъ плавать проценты), а капиталъ Банка находится будетъ въ оборотѣ.

Сверхъ того, для дальнихъ мѣстъ, уплаты процентовъ и самые займы, не представляя уже затрудненія и огромныхъ издержекъ, охотѣе проѣзда и жиенія въ столицахъ: ибо не всякой имѣетъ довѣренную особу, которой бы могъ дѣла свои поручить; и самое имѣніе, основной капиталъ помѣщика, въ опускшеніе его, приходитъ иногда въ распройство. Я сочту себя счастливымъ, если мои мысли послужатъ къ пользѣ Дворянскаго сословія. Та-

7*

770692A

кимъ образомъ многіе заимодавцы могутъ получить уплаты; капиталисты же внесутъ свои капиталы въ Банкъ или употребятъ ихъ на коммерческіе обороты; мертвые капиталы Банковъ выйдутъ въ оборотъ и, такъ сказать — лешаргическое состояніе капиталовъ—разрушится.

Разширивъ такимъ образомъ кругъ дѣйствія Заемнаго Банка, Воспитательнаго Дома и Приказа Общественнаго Призрѣнія, основаніемъ частей онаго въ Губернскихъ городахъ, по предмету закладовъ недвижимыхъ имѣній, еще для большаго оборота капиталовъ и легчайшаго дѣйствія оныхъ, я полагаю возможнымъ измѣнить образъ вклада капиталовъ и раздачу процендовъ по онымъ, равно и выдачу самыхъ капиталовъ—на слѣдующемъ основаніи.

1) Въмѣсто правила, что кладущій капиталъ свой для приращенія, какъ проценты такъ и капиталъ, непременно долженъ получать въ той казнѣ, гдѣ оный положилъ, можно будетъ допустить полученіе ихъ во всѣхъ Конторахъ; а такъ какъ, по нынѣшнему процессу билетовъ, оное невозможно, ибо и записки ихъ въ книгу для повѣрки производятся въ одномъ мѣстѣ—то нельзя ли дать билетамъ форму *Облигацій Сохранной Казны*, и, для выдачи по Губернскимъ Конторамъ разсылать оныя, за подписью главныхъ Кассировъ, пере-

плепенными въ книги, изъ коихъ при выдачѣ оныя вырѣзывать; по изпеченіи же года, съ оспальными билетами, предспавлять въ Ценспральный совѣтъ для повѣрки?

2) Изъ Губернскихъ Конпоръ выдавать оныя билеты, дѣйспвующіе всюду, за подписомъ Кассира оной Конпоры, съ означеніемъ имени конпоры и года печатно, числа и мѣсяца на линейкахъ писменно, и облигаціямъ разныхъ суммъ на примѣръ въ 1,000, 5,000, 10,000 и такъ далѣе (какую сумму найдушъ удобнѣйшею) дасть особый видъ. — Можетъ быть въ опроверженіе сего можно сказать, что могутъ являться подлоги: но на сей случай есть законы, и при томъ у насъ сущеспвуютъ облигаціи-ассигнаціи и переводятся на чужіе края Банковые билеты, а подлогъ сдѣлашь и съ нынѣшними билетами, особливо неизвѣспными, равно можно.

3) Для движенія мѣлкихъ суммъ до 100 рублей, полезно, кажеться, учредить *Отдѣленія по Уѣздамъ*, предспавля симъ билетамъ дѣйспвовать (выдачею проценповъ и капиталала) не иначе, какъ въ томъ же опдѣленіи: ибо лица, кладущія такую малую сумму, не ошлучаются по большей части изъ мѣсна жительства, слѣдспвенно и не имѣютъ возможности класъ свои капиталы въ Губернскіе Приказы. А для того, чтобы имѣть возмож-

ность открыть новый источникъ оборота мѣлкихъ суммъ, я считаю полезнымъ учрежденіе по городамъ ручныхъ закладовъ, при чемъ и дѣйствіе Коншоръ Губернскихъ на описныя имѣнія облегчится подвѣдомственными мѣстами; а также и взносъ процентовъ и оцѣнка домовъ въ городахъ, при закладахъ оныхъ, и надзоръ за поступающими къ Аукціону имѣніями, равно и за Богоугодными заведеніями, находящимися въ Уѣздныхъ городахъ или вновь заводимыя имѣющими, какъ-то: приѣмными, Воспитательными Домами, Больницами, Богодѣльнями и прочее.

Много вреда нравственности народа приноситъ пунеядство нищенскаго сословія соблазнительнымъ своимъ примѣромъ, и шѣмъ болѣе, что оныя часто находятъ извиненіе прошивъ строгости законовъ, по большой части въ мнимои своей немоцности и маломъ числѣ заведеній для призрѣнія. Разсуждая о всѣхъ, до сель принятыхъ для прекращенія сего мѣрахъ, я не встрѣшилъ одной, мною здѣсь предлагаемой, которая, по моему мнѣнію, можетъ къ сему способствоватьъ.

4) Для истребленія бродяжничества и нищенства, отъ праздности происходящихъ, нельзя учредить при городскихъ отдѣленіяхъ попечительствъ, которыми всякой нищій по освидѣтельствованію въ способности его къ

работѣ, имѣеть бытъ помѣщаемъ въ шрудолюбивыя заведенія, или, по вызову мѣстныхъ заводчиковъ и фабриканповъ, на ихъ заведенія,—неспособный же по увѣчьямъ или дряхлости, по возможности, въ богодѣльные дома—или, для легкихъ прислугъ при заведеніяхъ, въ церквахъ и ш. п.? Нравственностъ низшаго класса народа опчасти поправится обращеніемъ способныхъ рукъ къ работѣ и испребленіемъ рѣдко необходимаго нищенскаго ремесла, по большей части принимаемаго шуенядцами, вредными обществу своею бесполезностію.

5) Кромѣ нищихъ много есть праздныхъ рукъ и именно масперовыхъ и вольнонаемныхъ людей безъ мѣстъ; шаковымъ, полагаю, можно дозволишь записывашься въ оныхъ попечительствахъ, дабы желающій наняшь могъ шуда прямо обратиться для свѣденій; равно позволишь выславляшь разныя извѣстія о продажахъ, съ умѣренною платою за высавленіе оныхъ, на примѣръ 10 коп. сер., какъ-то существуешъ въ справочныхъ коншорахъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ. Симъ нищенство и праздность могуць бытъ поспешенно испребляемы и шрудолюбивый классъ народа будешъ имѣеть способъ легче находить работу, а съ усиленіемъ доходовъ, заведенія призрѣ-

ніа, для испинно немощныхъ, могутъ бышь размножены.

Мѣлкіе капиталы, не имѣющіе часно въ рукахъ креспьянъ и бѣдныхъ горожанъ никакого оборота, получаютъ движеніе и жизнь.

Дѣйствіе Сохранной Казны по часпи надзора за заложенными, а особливо за поступающими къ продажѣ имѣніями, да и всякія вообще по симъ часпямъ сношенія, значительно чрезъ опдаленную переписку затрудняемы, облегчашся.

Такимъ образомъ откроепся для оборотовъ новый 3-й видъ капитала; ибо общеспвенный капиталъ будетъ состоять, во первыхъ: изъ вещеспвеннаго, заложеннаго въ Банкахъ; во вторыхъ: изъ денегъ, полученныхъ по займу или вносимыхъ для обращенія; и въ прешьихъ: изъ условнаго въ облигаціяхъ, кошорыя могутъ служить для уплаты въ частныхъ оборотахъ. Ипакъ онъ получитъ проякое печеніе: какъ вещеспвенный, доставляя продукты; какъ денежный въ сохранной казнѣ и какъ облигація въ порговлѣ. Для Банка выгода та, что имѣніе по закладу плащптъ 5, а казна выдаетъ 4—слѣдовашельно одинъ процептъ поспунаетъ на содержаніе Богоугодныхъ заведеній, и сверхъ того премія.

Инымъ, можетъ бышь, покажется въ епомъ убыль общеспвенному денежному капиталу; но

оний, находясь внутри Государства, не уменьшается въ количествѣ, и только однимъ перевѣсомъ баланса въ иностранной торговлѣ, уменьшаясь выпускомъ звонкой монеты, цѣльность свою перяетъ; при томъ же Коммерческая прибыль, при оборотѣ облигацій, достаточна оную поперю вознаградитъ.

Допустивъ учрежденіе облигацій Сохранной Казны и новый добавочный заемъ, сею мѣрою повлекутся слѣдующія послѣдствія: суммы, внесенныя на обращеніе, войдутъ въ руки заемщиковъ, которые употребяшъ ихъ на заплату долговъ своихъ или купяшъ на оныя имѣнія, а по разкупленіи оныхъ капиталы вновь войдутъ въ Банки: ибо количество капитала, необходимаго для оборота внутренней торговой мѣны, удовольствуешся, (такъ какъ денежный капиталъ удвоится облигаціями), и будетъ уже превышать суммы, на оныя потребныя. Оспаяющіяся суммы, возвращаясь въ Банки, соспавяшъ капиталы, коимъ недоспанетъ движенія по неимѣнію вещественнаго капитала для обезпеченія оныхъ и по ненадобности оныхъ для коммерціи Государства, симъ Банкъ понесетъ слѣдующій убытокъ: по возвращившимся капиталамъ онъ будетъ платитъ въ первый разъ, при вкладѣ ихъ, 4 процента, и, при вторичномъ оныхъ входѣ, опять 4 и, не имѣвъ куда оный вновь отдасть, по одному займу бу-

дешь получашь только 5 процентовъ: слѣдственно 3 процента убытка; и такъ его надо употребить такимъ образомъ, чтобъ оный вновь не обратился въ банкъ. Предвидя это обстоятельство, я имѣлъ, при предложеніи мѣры выпуска облигацій, слѣдующую мысль.

Россія имѣетъ заграничный долгъ, по коему платишь проценты ходячею монетою: слѣдовательно часть прудовъ Россіи употребляется для уплаты оныхъ и монета уменьшается въ количествѣ. По моему мнѣнію лучше заплатить долгъ сей въ одинъ разъ: слѣдовательно выпустить менѣ монеты въ оборотъ; но для сего надобно имѣть способы — я ихъ нахожу въ слѣдующемъ :

1) Казнь, по мѣрѣ накопленія мертвыхъ капиталовъ въ Банкахъ, можно брать оныя на уплату иностраннаго долга. Банки прибрѣтутъ прибыль, пуская въ оборотъ свой капиталъ, а для Государства прибыль будетъ состоять въ томъ, что проценты по онымъ начнутъ опять обращаться въ общественный капиталъ.

2) Уплативъ долгъ иностранный, такимъ же образомъ можно погасить процентныя облигаціи и вообще всѣ внутренніе долги, по которымъ выдаются проценты.

3) Когда всѣ долги будутъ уплачены, тогда, для избѣжанія подрыва, закрыть выдачу

облигацій на предложенномъ мною основаніи и, по находящимся въ оборотѣ, прекратишь повсемѣстную выдачу, дозволивъ впрочемъ, по требованію илѣющаго ихъ въ рукахъ, выдавать другимъ конторамъ деньги съ учетомъ за переводъ, какъ-то дѣлають частныя Банки.— Можешь бышь, въ опроверженіе уплаты заграничнаго долга предсавяять по, что единовременный усиленный выпускъ монеты, уменьшивъ оную, подорвешь курсъ ассигнацій въ Государствѣ.

Но во первыхъ: вся заемная сумма монеты есть не произведеніе Государства, слѣдственно не усиливаетъ производящіе источники внутренняго богатства, ибо ежедневно отъ уплаты процентовъ уменьшаемое количество монеты, поперяетъ въ продолженіи времени сіе прибавочное спороннее умноженіе, а по истеченіи сей случайной монеты — уже капиталъ долга или проценты уплачиваемы будутъ изъ производимой Государствомъ: слѣдственно шупъ явная убыль звонкому металлическому капиталу Государства.

Единовременное же уменьшеніе звонкой монеты вознаградишь монетою, производимою рудниками Государства, или входящею чрезъ торговой балансъ изъ чужихъ краевъ. По опубликованнымъ свѣденіямъ, рудники Россіи произвели золота въ 1830-мъ году 355 пудъ,

5 фунтовъ, 18 золот. и 48 дол. на сумму 17,750,000, руб.; балансъ вывезенныхъ поваровъ превышаетъ суммою ввезенныхъ: ибо ввезено поваровъ на 187,302,527, опущено на 253,144,466 руб. слѣдовательно прибыло монеты на 71,841,939 изъ за границы.—Всего же на 89,591,939 руб. кромѣ добытаго серебра, котораго количество мнѣ неизвѣстно. Не говорю о платиновой монетѣ, ибо она еще до сихъ поръ только въ Россіи употребляется, такъ равно и о мѣди, имѣющей только внутренніе обороты; кредитъ же бумажнаго долговаго капитала не упадетъ: ибо средства къ погашенію онаго въ виду и вѣрны.

Припомъ же не можеть произойти единовременнаго даже недоспашка монеты: ибо долгъ будетъ уплачиваемъ, по мѣрѣ входа лишнихъ капиталовъ въ Банки, и добровольнаго размѣна бумажныхъ денегъ въ Казнѣ на звонкую монету, остающуюся сверхъ не обходимой во внутреннемъ обращеніи для мѣлака размѣна.

Россія сильная и богатая производящими средствами, безъ наружнаго и внутренняго долга, храбрая и великая священнымъ характеромъ Правительсва и привязанностию Россіянъ къ опеческву, предспавишь міру зрѣлище великой благоденствующей Державы. Молю Всевышняго да совершатся мои предположенія.

Предлагая мои мысли на судъ публикѣ и людей, болѣе меня по сей часпи опытныхъ, я прииму всякое замѣчаніе на мою снатью съ благодарностію: ибо цѣль моя есть — желаніе блага отечеству.

Александръ Мужинъ.

VI.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Исторія Пруссіи до Фридриха Великаго. Сочиненіе Камилла Паганелля. Переводъ съ Французскаго. СПб. 1831. — Всякая частная Исторія, кромѣ относительной своей важности, предшавляешъ множеству любопытныхъ предметовъ для размышленія. Хотя всѣ Государства развивающя по одному закону, но сей законъ въ каждомъ выражаешъ иначе, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, и что въ одномъ происшечаетъ ошъ войны, шо въ другомъ приобрѣщаетъ миромъ, въ шрешемъ удачею — неудачею, посредствемъ враговъ или друзей. Такъ во Франціи униженію феодализма и усиленію Монархической власши способствовали больше Крестовые Походы, въ Швеціи Реформація, въ Италіи торговля, въ Россіи Монголы, въ Англіи междоусобія. — Уловишь сіи особливости, въ какомъ бы-шо ни было ошдѣленіи Исторіи — Религій, Правительствъ, Просвѣщеніи, Торговлѣ — обнаружишь ихъ пошвенный ходъ, и неожиданныя слѣдствія между собою сходныя, и слѣдовательно навѣь быгъ предопредѣленныя — задача для Истори-

на, кошорый шѣмѣ ббольшую услугу онажешь на-
уиѣ, чѣмѣ болѣе приближись кѣ сей цѣли, или,
говоря языкомѣ Исторической Философіи, чѣмѣ
яснѣе покажешь въ произшешствіяхъ сошвѣдшвіе
формѣ кѣ идеямѣ.

Пруссія — важное явленіе въ Исторіи Европей-
скаго политическаго міра!

Сія спрана, или крайняя кѣ востоку, кошорой
собшвенно принадлежишъ имя Пруссіи, была за-
селена искони дикарями Лашышкаго племени,
кошорые, вмѣстѣ съ Лишовскими своими брашь-
ями (а), очеловѣчились позднѣе всѣхъ Европей-
цевъ, и еще въ XIII столѣтіи изъ глубины сво-
ихъ лѣсовъ шревожили набѣгами сопредѣльные
спраны: Россію, Польшу, Германію.

Конрадъ, Герцогъ Мазовійскій, удѣльный Князь
Польскій, немогши защишишъ ошъ нихъ своихъ
владѣній, призвалъ на помощь Нѣмецкой Орденъ,
кошорой ошъ Имперашора и Папы получилъ дан-
ную на всѣ спраны, кои завоюешъ и гдѣ раз-
просшранишъ Христіанскую Вѣру, на правахъ
первыхъ Крестоносцевъ. Вошъ первое поселеніе
Нѣмцевъ въ эшой споронѣ; они вскорѣ перемѣни-
ли Религіозную свою цѣль на Полишическую, и
вспушили въ шакое же опношеніе кѣ древнимъ
Пруссамъ, какъ Веспгошы кѣ Испанцамъ, Франки
кѣ Галламъ, Англосаксы кѣ Бришшамъ, Венгерцы
кѣ Паннонскимъ Славянамъ, Рыцари Меча кѣ Ли-
вонцамъ, Варяги кѣ Славянамъ и проч. Новое

(а) Всѣ Лашыши, по общему мѣннію, производяшъ ошъ
соединенія Славянъ, Финновъ и Гошовъ. Нѣкошорые
напрошивъ думаютъ, что это — Латинскіе выходцы,
какъ Волохи.

видомзмѣненіе того закона, по коєму образовались Европейскія Государства: изъ побѣдителей и побѣжденныхъ, или обще — шугемцевъ и пришельцевъ.

Главные моменты послѣ шакого основанія въ Истории Пруссіи, бывшей сначала болѣе или менѣе, смотря по обстоятельству, подъ вліяніемъ сосѣдней Польши, были слѣдующія:

Избраніе Принца изъ сосѣдняго дома Бранденбургскихъ Курфирштовъ въ Гросмейстеры, чѣмъ пригошвилось будущее совершенное соединеніе обѣихъ владѣній.

Учрежденіе наслѣдственности въ дому Бранденбургскомъ.

Секуляризація Пруссіи (а), въ коей духовныхъ владѣній было, разумѣется, очень много, при началѣ Реформаціи.

Приобрѣтеніе полной независимости отъ Польши среди войнъ сего Королевства съ Швеціею за наслѣдство прешлола, благодаря выгодному положенію между двумя соперниками, изъ которыхъ каждый имѣлъ нужду въ Пруссіи, и успунками поупалъ ея въ союзъ.

Наконецъ шавъ называемый Великій Курфиршъ Фридрихъ I (1640 — 1688), который былъ для Пруссіи шѣмъ, чѣмъ Іоаннъ III для Россіи.

Такимъ образомъ основалось и опредѣлилось Государство, которому сынъ Великаго Курфиршта Фридрихъ (1701) приобрѣлъ шило Королевства

(а) Секуляризація — обращеніе духовнаго владѣнія въ свѣтское. Секуляризація Пруссіи подала соблазнительный примѣръ прочимъ членамъ Имперіи и шѣмъ имѣла большее вліяніе на судьбу Реформаціи.

за помощь союзникамъ противъ Лудовика XIV, а правнуку Фридриху II Великій, крестивши нашего Пешра (а), доставилъ почешное мѣсто въ системѣ Государствъ Европейскихъ.

Важность означенныхъ нами происшествій въ судьбѣ Пруссіи, очевидна для всякаго, кто взглянетъ на политическую ея Исторію, и между шѣмъ Паганель, какъ нарочно, не обратилъ должнаго вниманія почти ни на одно изъ нихъ, и вмѣсто того представилъ длинное разсужденіе о древнихъ Германцахъ, которые шольножъ принадлежалъ къ Исторіи Прусской, какъ Скифы или Сарматы въ Русской, пошомъ другое, шольно же нужное о Франкахъ, наконецъ сухіе некрологическіе списки Бранденбургскихъ Курфиршовъ, и повѣствованіе о произшествіяхъ въ другихъ Государствахъ, на примѣрѣ войнахъ Лудовика XIV, и ш. п.

Напрасно будеше вы искашь у него свѣденія о первоначальныхъ шуземцахъ, Славянахъ и Лашышахъ; у него нѣтъ ни слова о шомъ, на какихъ феодальныхъ правахъ завладѣли землею Рыцари, и какое усшановилось у нихъ отношеніе къ шуземцамъ; какимъ образомъ случилось, что Бранденбургскій Принцъ попалъ въ Гросмейшеры; въ слѣдствіе какихъ благоприятныхъ обстоятельствъ началась наслѣдственность; какъ прекратилось Рыцарское управление и уничтожился орденъ; какими побудишельными причинами Герцогъ Албрехтъ подвигнулъ былъ къ секуляризаціи, и почему могъ шавъ легко исполнить ее; какія вы-

(а) Дѣдъ Фридриха II назначилъ внуку крестными ошцами: Императора Карла VI, Царя Пешра I, Голландскую Республику и Каншонъ Бернъ. См. с. 144.

годы получала поспешенно Пруссія отъ войны Польши со Швеціею, продолжавшейся послѣ смерти Шведскаго Короля Юанна III (1592) отъ 1600 до Оливскаго мира въ 1660; даже когда явилось имя Пруссіи? —

Чѣмъ объяснишь такіе недоспадки? — Разумѣея шѣмъ, что авторъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, кажешся, не знаешъ Сѣверной Исторіи и не имѣешъ понятія объ ея источникахъ; а сочинишь общее обзорѣніе какой либо Исторіи, въ наше время, при нынѣшнихъ требованіяхъ науки, гораздо шрудѣе, чѣмъ опишашъ подробно цѣлой періодъ, и даже Робертсонъ вѣрно справился скорѣе со всѣми шомами Исторіи Карла V, чѣмъ съ однимъ первымъ. За чѣмъ же пишашъ о незнакомомъ предметѣ, за чѣмъ было не ограничиться автору жизнью одного Фридриха? — Признаемъся, вопросъ затруднительный, и рецензентъ не понимаешъ, какъ современникъ Гизо, Тьери, Баранша и прочихъ достойныхъ Историковъ новой Французской школы, могъ рѣшиться выдать такое пустое вшупленіе, состоящее изъ однихъ именъ и разнородныхъ происшествій, безъ всякой ученой, даже искусственной связи.

Разумѣея — все, что ошносится до Славянъ въ эшомъ вшупленіи, безъ смѣха чишашъ нельзя, на примѣрѣ (18): »Венеды же и Славяне, занимавшіе съ V до X столѣтія страны между Эльбою и Вислою, были почти всѣ истреблены Германцами.... Они ошались господствующимъ народомъ шольно на нѣкошорыхъ оконечностяхъ сихъ земель, особенно въ Богеміи и Польшѣ.« Истреблены! Но они шенерь еще шамъ живы. — Богеміа

и Польша — оіонечности спраны между Вислою и Эльбою! Оіонечности больше всего цблаго!

—»Если вбришь Криспусу (?), шри Короля Польских, по имени Болеславы, вооружались для обращенія Пруссіи вб Христіаншво (33).« — Не правда ли, что Абель-Ремюза смблбе и ушвердшельябе говоривш о Китайских племенах!

Обвешшальных общих мбств множество: на пр.

—»Сбверб Германіи долгое время своим упоршвом ушомляб Римб, раздраженный шбмб, что малой учаскомб земли хотблб еще бышь свободнымб и любовь кб отечеству, превосходящая силу легионовб, дошолб непоббдимыхб, возшоржешшвовала надб всемірными пришбснителями« (с. 4). — Всемірными! Когда перешшанушб давашь эшо шшшло Римлянамб, вслбдб за хвасшливыми ихб орашорами, кошорые не знали Географіи? Югозападная Европа по Дунай, сбверной, узкой берегб Африки, часть югозападной Азіи — неужели эшо весь мірб? — Какая была любовь кб отечеству у варваровб, бродившихб всякой день сб мбста на мбсто? — Неужели разрушеніе Римской Имперіи — шоржешство сей любви? — Развб вб IV, V столбтіи Римскіе легионы были шбже, что предб первымб? Неужели Римб былб ушомленб, раздраженб ихб первыми наббгами? — Какая связь между эшимб малымб учаскомб и Римсною Имперією? —

—»Варвары мучились необходимостію улучшишь свое состояніе дикости. «!! (с. 11).

—»Болбе берегущіе кровь челошческую, нежели многія образованнбйшія общешства, сіи народы (Нбмецкіе) ненавидблб смершную казнб: обыкновеннымб наказаніемб была денежная пеня (25).« — Эшо уже слишкомб легкомысленно. Развб казни

не было ошѣ желанія щадить кровь человѣческую? На оборотѣ: эту кровь шакѣ мало цѣнили, что позволялось проливать ее за денежную пеню.

Но, можешѣ бышѣ, Исторія Фридриха нейдешѣ ни въ какое сравненіе съ Вступленіемъ? Рецензенту не случилось чашѣ ее: но если это шанѣ, то должно пожалѣшѣ, что хорошій домѣ обезображенѣ уродливыми ворошами.

Сказавѣ свое мѣнїе о сочиненїи, рецензентѣ обращается къ переводу. Здѣсь должно благодарить неизвѣстнаго переводчика за желаніе его сообщить соотечественникамѣ свѣденіе о народѣ, для нихѣ слишкомѣ примѣчательномѣ, и подарить бѣдную нашу Историческую Липшерашуру новою книгою. Онѣ исполнилѣ свое дѣло очень хорошо (*). Рецензентѣ попеняешѣ ему только за одно мѣсто въ Предисловіи. Изѣ чего онѣ заключаешѣ о глубокой начитанности Автора? Паганель, очень видно, не читалѣ ни одной лѣшописи, не знаешѣ никакихѣ разысканїй. Пфеффель, Герцбергѣ, Мальше-Брюнѣ, писатели и собиратели новые — вошѣ его единственныя пушеводишели, и циташѣ его

(*) Замѣшимѣ только неправильность нѣкоторыхѣ собственныхъ именѣ: Ульфилашѣ вмѣсто Ульфила; Арагонѣ вмѣсто Аррагонїа. На с. 138 должна бышѣ ошибка въ переводѣ: »Похоронная церемонїа ушѣшила Фридриха въ пошерѣ супруги, досшойной живѣйшаго сожалѣнїа. Таковая женщина должна была жалѣшѣ о Королѣ, кошорый во времясво его коронаванїа не поскупилашѣ дашѣ 3,000 червонныхѣ за каждую пуговицу своего плашья. « (? ?)

смыдисься долженъ мащоящій ученый (*). За ша-
кую начипанносшь Сшудентъ въ Московскомъ Уни-
верситетѣ не удостоился бы шепелш Кандидаша.

Переводчикъ, можешъ бышь, увлекся славою ав-
шора. Къ сожалѣнію вся наша публика, особенно
вышшая, шакииъ образомъ увлекается часшо. Какъ
Русское сочиненіе берушь въ руки съ какою-шо
недовѣрчивосшію, шакиъ Французское, Нѣмецкое,
начипаюшь чишашъ съ пристрастіемъ. Какъ буд-
шо Французы или Нѣмцы получили ошъ Аполо-
ва привилегію на шаланшъ и ученосшь, а Рус-
скіе напрошивъ осуждены шолько на безусловное
почшеніе своимъ прежнимъ учипшляиъ! По пора,
пора уже намъ всякую ученую славу повѣряиъ
собшвеннымъ разсужденіемъ, пора убѣдншься:
не все шо прекрасно, чо напишешъ какой нибудь
Французъ или Нѣмецъ.

Въ доказашельство искусства переводчика, вы-
пишемъ одно любопытное мѣсто :

— «Вшорая супруга Курфиршта Софія Шар-
лошша, Принцесса ума возвышеннаго и обшир-
ныхъ познаній, не раздѣляла сего нешерпѣнія :
»Я въ ошчаяніи—сказала она однажды—одной изъ
своихъ дамъ, чо принуждена бхашъ въ Пруссію
играшь роль Королевы. (с. 136)« . . .

— «Не думайше, — писала ишвая Королева Лейбни-
цу, — чшобы я предпочишала корону и сіе величіе,

(*) На примѣръ, говоря о древней Бранденбургіи, Пруссіи,
Помераніи, Авторъ ссылается, — на кого бы вы думали? —
на Сегюра. И какія три страны рядомъ? Совершенно —
различныя въ древности : Бранденбургію населяли Нѣм-
цы, Померанію Славяне, а Пруссію Латыши.

коиъ здѣсь придають такую цѣну, пріятностямъ нашихъ философскихъ бесѣдъ въ Шарлоттенбургѣ. Софія Шарлотта пушешествовала по Италіи; она явилась въ Версаль въ сопровожденіи своихъ родителей. Красота ея сдѣлала даже впечатлѣніе на Людовика XIV, который, почитая ее достойною занять со временемъ престола Французскій, назначилъ ее Герцогу Бургундскому; но вмѣшалась полишика, и бракъ разстроился. Сія Государыня ввела при Дворѣ Прусскомъ ту рыцарскую вѣжливость, коей образцы она заняла въ Версали и разлила вокругъ себя любовь къ Поэзіи, наукамъ и художествамъ. Окруженная учеными, написанная глубокими умствованіями, Софія Шарлотта до шого любила возходить до первоначальныхъ причинъ, что Лейбницъ принужденъ былъ сказать однажды о семъ предметѣ: «Государыня, я не въ состояніи удовольствоваться ваше любознаніе; вы хошите узнать причину причинъ.» Чешыре года спустя она скончалась въ Ганноверѣ, въ кругу своего семейства. Предъ смертію Королева, обращаясь къ одной изъ близь стоящихъ дамъ, которая обливалась слезами, сказала: «Не сожалѣйте обо мнѣ; ибо теперь любопытство мое удовлетворится, и я узнаю происхождение вещей, коихъ не могъ разгадать Лейбницъ: о пространствѣ, о безконечномъ, о существѣ и ничтожествѣ. — Королю я гошюлю удовольствіе видѣть церемонію и новый случай выказать свою пышность.» (М. П.)

— повѣсти покойнаго ивана петровича бѣлкина, изданныя А. П. — СПб. 1831. Любили ли легкаго, занимательнаго членія не могушъ въ нынѣшнемъ году пожаловаться на недосыпокъ въ пріятной

для себя пицѣ. Не говоря о прекрасно-переведенныхъ повѣстяхъ Цшокке и произведеніяхъ лучшихъ новыхъ романистовъ, шашже очень хорошо намъ переданныхъ, сколько оригинальныхъ Русскихъ повѣстей было напечатано во всѣхъ Русскихъ журналахъ, повѣстей, ни въ чемъ неуступающихъ иностраннымъ! Мы говорили уже о сказкахъ Рудаго Пасичника близъ Диканьки. Теперь съ такимъ же удовольствіемъ скажемъ нѣсколько словъ о *Повѣстяхъ Ивана Петровича Бѣлкина*.

Онѣ ошачаются, кромѣ легкаго живаго слога, испиною и какимъ-шо особеннымъ безспрасіемъ, которое граничитъ иногда даже съ холодношью *Г. Булгарина*. *Г. Бѣлкинъ* какъ будшо не принималъ ни малѣйшаго участія въ своихъ герояхъ, и къ каждой повѣсти приговариваетъ: «кажешся; шакъ было, а впрочемъ миѣ дѣла нѣтъ.» — Но подмѣшивъ многое въ сердцѣ человѣческомъ, онъ умѣетъ при случаѣ взволновать читашелей, возбуждашь и щекочашъ любопытство, не прибѣгая ни къ какимъ вычурамъ. Читая его повѣсти, иногда задумаешья, иногда разсмѣешья, и сіи движенія бывающъ шѣмъ пріятнѣе, что причины ихъ всегда неожиданны, хотя и ешественны; и вошъ въ чемъ заключаешья шаланшъ авшора.

Письмо объ немъ, помѣщенное въ началѣ книжки, очень хорошо, выдержано въ шонѣ и дышетъ добродушіемъ и искренношью нѣкоторыхъ нашихъ провинціальныхъ помѣщиковъ, но чущь ли оно не лишнее. Мы не узнаемъ изъ него ничего объ *Г. Бѣлкинѣ* шаного, что могло бы обьяснить намъ его взглядъ на вещи, и нужно было бы для читашеля, начинающаго читать его повѣсти: а наружность его и образъ жизни совсѣмъ не интересны.

Первое мѣсто между новыми повѣстями занимаешь *Выстрѣлъ*. Мы не спанемъ излагать ея содержаніе, предполагая, что всѣ наши читатели прочли уже повѣсти. По вошѣ вопросъ: какимъ образомъ Сильвіо, кошорый сначала не хотѣлъ убишь своего врага пошому шолько, что сей послѣдній равнодушно ожидалъ смерти, кошорый вѣскольно лѣшъ пишался одною мыслію о мщеніи и при самолюбивѣйшемъ хараншерѣ сносилъ жесточайшія оскорбленія отъ другихъ, кошорый услышавъ, что его врагъ женится, и слѣдовашельно дорожишь жизнію, «ешалъ ходишь взадъ и впередъ по комнашѣ, какъ шигръ по своей клѣшкѣ,» и побхалъ съ швердымъ намѣреніемъ разплашишь съ нимъ высшрѣломъ въ самую счастливую минушу его жизни — какимъ образомъ Сильвіо могъ ошважишь на новый жеребей, предосшавишь случаю свое сладосшнѣйшее чувшво? — Ну еслибъ Графъ попалъ въ него, что было очень легко? — Неужели въ будущишхъ угрызеніяхъ Графской совѣсти мершвый Сильвіо нашелъ бы себѣ услажденіе? — И за что совѣшь сшала бы упрекать Графа? — Графъ далъ Сильвіо пощечину въ ошвѣшь на его непросшительную грубосшь; за эшо онъ сшалъ подъ его ударомъ; нанонецъ въ другой разъ женашый, шакже не уклонилъ отъ него: какое же удовлешвореніе можно сдѣлать больше; и почему не воспользовашь было счастлиемъ, по собшвенному предложенію прошивника? — Сильвіо очень былъ радъ, что убѣдилъ Графа на эшошь высшрѣлъ, «я засшавилъ себя высшрѣлишь по мѣ,» — говорилъ онъ (34) — «съ меня довольно. Будешь меня помнишь. Предаю себя швоей совѣсти.» — Самъ Графъ, рассказывалъ

проишествіе, какъ будто раскаявался въ этомъ выспрѣлѣ: »не понимаю, что со мною было, и какимъ образомъ могъ онъ меня къ тому принудить. . . но я выспрѣлилъ.« — Не постигаемъ, въ чемъ состояла важность этого выспрѣла. Спраннымъ также кажешся, что Сильвіо послѣ панихъ пригошвленій удовольствовался ошвлеченнымъ минутнымъ мщеніемъ: »я видѣлъ свое смятеніе, свою робость.« — Но между тѣмъ кончивъ повѣсть, все думаешь о спранномъ Сильвіо и о благородномъ Графѣ, и безпокоишься о Графинѣ; сморшишь на проспрѣленную картину и удивляешься мѣшкости: слѣдовательно цѣль искусства достигнута. За мѣшимъ еще, что рѣчь ошсавнаго Офицера, разсказывающаго повѣсть, во второмъ ошдѣленіи, съ безпрестаннымъ повшореніемъ: »Ваше Сіяшество—« ушомишельна; пришомъ этомъ Офицеръ выспавленъ въ первомъ ошдѣленіи, какъ человекъ образованный. Также, въ первомъ ошдѣленіи, Офицеры, равно какъ и расказчикъ, сколько были увѣрены въ искусствѣ Сильвіо, что его поступокъ съ оскорбишелемъ не могли приписать шрусости, а развѣ великодушію, или просто почишанъ его непоняшнымъ.—Къ чему еще эша подробность, что Сильвіо не ошдавалъ книгъ, взяшыхъ на прочшеніе? Къ чему описаніе жизни ошсавнаго Офицера въ деревнѣ?—Правда, за шо-сильно описано равнодушіе Графа, жажда мщенія Сильвіо.—Какія вѣрныя чершты—(эниграммы ошпрѣ и неожиданиѣ; ему—любимцу счастья и проч.)!»

Въ *Мятелі* очень искусно прервано повѣшествованіе о побѣгѣ дочери, и другое обв извѣшшіи, которое узналъ несчастный женихъ. Съ какимъ

пріятнимъ удивленіемъ послѣ спрашнаго его плушанья, ожидая, что съ невѣсною, убѣжавшею съ вечера изъ дома родителскаго, случилось еще большее несчастіе, а въ отеческомъ домѣ поднялась ужасная шревога, вдругъ чишаемъ: « (54) » но возвратимся къ добрымъ Ненарядовскимъ помѣщикамъ, и посмошримъ, что у нихъ дѣлаешся? А ничего! — »Сшарики проснулись и вышли въ гостиную, Гаврила Гавриловичъ въ юланѣ и байковой куршкѣ, Прасковья Пешровна въ шлафрокѣ на вашѣ. Подали самоваръ, и Гаврила Гавриловичъ послалъ дѣвчонку узнать ошъ Марьи Гавриловны, (дочери), наново ея здоровье и канѣ она почивала. Дѣвчонка ворошилась, объявляя, что барышня почивала де дурно, но что ей-де шеперь легче, и что она-де сей часъ придетъ въ гостиную. Въ самомъ дѣлѣ дверь ошворилась и Марья Гавриловна подошла здороваться съ папинькой и маминькой. « Чшо все эше значитъ? думаешъ чишашель, а авшоръ очень ловко ошложилъ объясненіе до послѣдняго почши слова въ повѣсти.

Гробовщикъ въ родѣ Гофмановомъ очень забавенъ. Увидѣвъ во снѣ всѣхъ перехороненныхъ имъ мершвецевъ, кошорыхъ онъ нананунѣ хотѣлъ пьяной позвашъ къ себѣ на пирушку, въ досадѣ на обиду, нанесенную у сосѣда Нѣмца, онъ ужасно всшревожился. Таивъ живо предшавлялись они его воображенію, что онъ, проснувшись, былъ увѣренъ въ дѣйсшвительномъ свиданіи съ ними. »Онъ молча ожидалъ, чшобъ работница начала съ нимъ разговоръ, и объявила о послѣдсшвіяхъ ночнаго приключенія.»—Та, разумѣшся, шшчасъ вывела его изъ сомнѣнія.

— »Чшо ты, башюшка, не св ума ли ты спяшил, али хмбль вчерашній у тебя не прошел! канія были вчера похороны? Ты цблой день пировал у Нѣмца, ворошился пьянѣ, завалился въ постелю, да спал до сего часа, какъ ужъ къ обѣдѣ отблаговѣсили!«

— »Ой ли!« сказалъ обрадованный гробовщикъ.

— »Вѣсшимо шакъ,« ошвѣчала работница.

— »Ну коли шанѣ,« давай скорѣ чаю, да позови лошадей.

Здѣсь особенно хорошѣ бушошникъ Юрко, и рѣчь пьянаго гробовщика св самимъ собою. »Ей Богу позову и на завшрешній же день.« (87) За-мѣшимъ неправильности противъ Русскаго бы-шу: на шакомъ обѣдѣ, гдѣ бушошникъ бываешѣ въ гостяхъ, засмоленныхъ бушылонѣ не ошнупоривающѣ и полушампанское не льешся рѣкою. Нѣмецѣ не позовешѣ къ себѣ обѣдашѣ шолько чшо переѣхавшаго сосѣда. Работница не подашѣ гробовщику халаша, а онѣ возьмешѣ его самѣ, если шолько халашѣ будешѣ у него. Точно шакже и чай былѣ вѣрно на рукахъ дочерей. Живой безѣ сапогѣ обойдешся, а мершвыи безѣ гроба не живешѣ. « Глаголѣ жишѣ очень смѣшенѣ, но эша рѣчь не можешѣ бышѣ сказана Нѣмецѣмъ.

Станціонному Смотрителю многіе ошдающѣ пре-имущество предѣ всѣми прочими повѣсшями. Точно—здѣсь многія чершы схвачены св природы.— Какъ хорошѣ при вшоромѣ свиданіи пасмурный смошришель, въ молчаніи записывающій подорож-ную и начинающій рассказывашѣ свои несчастія послѣ пуншша. Вотѣ рѣчь его офицеру, соблазнив-

шему его дочь. »Ваше Высокоблагородіе, сдѣлайте шаную Божееную милость... Ваше Высокоблагородіе! что сѣ возу упало, шо пропало; ошдайше миѣ по крайней мѣрѣ бѣдную мою Дуню (121).« Смошришель, вышедѣ ошѣ своего злодѣя, »сжалѣ бумажни вѣ комокѣ« (кошорыя шошѣ насильно засунулѣ ему за рукавѣ), »бросилѣ ихѣ на землю, пришошлалѣ клобукомѣ и пошелѣ... ошошедѣ нѣсколькѣ шагѣвѣ, онѣ осшановилѣся, подумалѣ... и ворошилѣся... но ассигнацій уже не было (122).« »Ошѣ чего онѣ умерѣ?...« »Сшилѣся, бащюшка.« Замѣшилѣ неесшешественность. Какѣ могла допустить Дуня, чтошѣ ея любовникѣ вышолкалѣ ея любимаго ошца изѣ комнашы (126), или по крайней мѣрѣ какѣ не посшараласѣ она послѣ уладить дѣло и ушѣшилѣся огорченнаго сшарина. Такое жестокосердіе не возможно!—Сшаринѣ хотѣлѣ шолько жишѣ сѣ нею вмѣстѣ, и не искалѣ шого, что упало сѣ возу.—Ну чтошѣжѣ! разѣвѣ онѣ не могѣ осшашѣся вѣ Пешербургѣ? Общее расшужденіе о сшанціонныхѣ смошришеляхѣ хорошо, но нейдѣшѣ вѣ дѣлу.

Барышня Крестьянка расшазана забавно, но какѣ молодой Берешовѣ могѣ влюбиться со вшоразга разѣ вѣ крестьянну, или, еще мудренѣе, вѣ барышню, кошорая пришворяласѣ крестьянкою?—Какѣ вѣ первое свиданіе онѣ не узналѣ эшой крестьянки вѣ барышнѣ, хошя переряженной?

Теперь замѣшилѣ нѣкошорыя неправильности, или лучше, небрежности граммашическія.

—»Сильвіо былѣ *слишкомѣ* умненѣ и опышенѣ, чтошѣ бы эшого не замѣшилѣ (9).« Эшо галлицизмѣ, нешерпимый Русскимѣ языкомѣ, (*trop — pour*). По Рус-

ски надо сказашь: Сильвіо былъ сполько умеиь, что не могъ не замѣшишь, и проч.

—»Вы согласишесь, что, имѣя право выбрашь оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ.« Дѣепричашіе должно всегда относишья къ тому жь предмету, какъ и глаголь, и здѣсь выходишь, что жизнь имѣла право выбрашь оружіе. Должно бы сказашь: имѣя право выбрашь оружіе, я имѣлъ жизнь въ своихъ рукахъ, или упошребишь другой оборотъ.

Нельзя шакже сказашь: »пробѣгая письмо, глаза его свернали« (10). Но: глаза его свернали, какъ онъ пробѣгалъ письмо. Развѣ глаголь пробѣгая авторъ относилъ къ глазамъ.

—»Бывъ пріѣшель покойному родителю« не лзя сказашь, а должно: бывъ пріѣшелемъ, какъ и самъ авторъ говоришь въ другихъ мѣстахъ, напр. не будучи военнымъ (?).

—»Офицеры, каждый заняшый своими письмами, ничего не замѣпили (10) «—Едвали можно? —

—»Мпнской хлопнулъ ему двери подъ носъ (123)« Галлицизмъ.

—»По сосѣдству деревни (вмѣсто по сосѣдству съ деревнею); память одного (103) (вмѣсто память объ одномъ); управление села (вмѣсто управление селомъ); недоспашокъ смѣлости (вмѣсто недоспашка въ смѣлости); и прибавилъ долгошы дней (22),« (вмѣсто долгошы ко днямъ): нельзя шакже сказашь: »какъ воспоминаніе васъ,« (а объ васъ (67).

—»Онъ совѣщовалъ намъ опнесишья къ одному почтенному мужу, бывшему другомъ Ивану Пешровичу« (VI). Здѣсь не хорошо, хотя и правильно,

собрание дашельныхъ: мужу, Ивану; а лучше бѣ: бывшему другомъ Ивана Пешровича.

Иногда встрѣчается по нѣскольку шворисельныхъ, изъ которыхъ одно управляетъ другимъ.

Наконецъ оспасешся намъ слазать объ эпиграфахъ. Они большею частію неудачны, на пр. къ вышрѣлу: *»стрѣлялись мы. Баратынскій.«* (N. N.)

— нечай, историческая повѣсть въ думахъ, сочиненіе И. К. Москва, въ типогр. Лазар. Инст. Восточ. язык. 1831. — Воспоминаніе о *Нечаѣ*, удаломъ поборникѣ Украйны, падшемъ жертвою своею любви къ отчизнѣ и независимости къ Польскому игу, живешъ доселѣ въ поэтическихъ преданіяхъ Малороссіи. Увивашъ сіи преданія новыми цвѣтами поэзіи, конечно похвально: но эти цвѣты должны бышь свѣжи, ярки и благовоны. Иначе преданіе, само въ себѣ поэтическое, растягиваясь въ вялый, холодный, упоминательный разсказъ, шеряетъ все свое достоинство. Эшо имснно случилось съ *Нечаемъ*. Его поэтическая фізіономія, сохраняемая вѣрнымъ преданіемъ, не только не прояснилась, но ощушителью поблекла въ стихотвореніи, носящемъ его имя. Стихотвореніе эшо не лязя, какъ говорихся, выкинушь изъ десяшка: оно ничѣмъ не хуже инаго прочаго рифмоворскаго былія, прозябающаго при подомѣвъ нашего Парнасса; даже имѣетъ въ себѣ шо, не совѣмъ обыкновенное преимущество, что рѣдко измѣняетъ грамматической правильности и нигдѣ логическому смыслу. Но его составъ, шкань и изложеніе шакъ пошлы, шакъ безцвѣсны, шакъ прозаически холодны, что поэзія содержанія совершенно убиша. Жалкое зрѣлище, повшоряющееся не рѣдко въ

нашей словесности! Ошносительно наружной ошдѣлки сшихошворенія, замѣшимъ, что въ немъ не вездѣ оказываешья должное уваженіе къ просодіи. Удареніе словъ весьма часшо обнаруживаешья непокорность шропшвому мешру. Таиъ и. п. въ слѣдующихъ сшихахъ:

Какъ опромѣшью врагъ бѣжалъ

Съ полей, на голову разбишый; (3)

или:

Рашъ Украинскихъ Козаковъ; (4)

или еще:

Такъ славны йздравле въ бояхъ. (5)

Признаемъся, мы нечаяли эшого ошв *Нечал!*

— ПАРИЖСНІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ, сочиненіе *Поль-де-Кока. IV части. С. П. Б. въ типографіи И. Глазунова, 1831.* — Романы *Поль-де-Кока* забавляють Французовъ легкостію разсказа и дробностію описаній, любопытныхъ своею мѣсшною вѣрностію. Въ переводѣ эши досшойншва не могушь никакъ сохраниться: и пошому мы весьма сомнѣваемъся, можешь ли *Парижскій Цирюльникъ* сосшавишь для нашей публики пріяшное чшеніе. Чшо касаешья до насъ, шо, вооруженные рецензентскимъ желѣзнымъ долгошерпѣніемъ, мы едва ссилили одолѣшь его, хошя переводъ не лъзя обвинишь ни въ особенной шяжесши, ни въ излишней шерошовашосши. Жаль, чшо на подобную неблагодарную работу шруды идушь даромъ! Какъ будшо охошникамъ до переводовъ современная Французская лишшерашура не можешь досшавишь лучшихъ предметовъ для заняшя! Бальзакъ, Мериме, Раймондъ, Сю — ошашюсъя до сихъ поръ неприкосновенными

въ своихъ произведеніяхъ, на кошорыхъ ярко горитъ печать современной жизни и за усвоеніе коихъ нашей ошечешвенной словесности можнобъ было сказать ошъ сердца: спасибо!

— *ESSAI SUR LA STATISTIQUE COMPARÉE DE L'EUROPE à LA FIN DU MOYEN AGE ET à L'ÉPOQUE ACTUELLE, par M. Balbi. Paris, 1830.* (опытъ сравнительной статистики Европы въ концъ среднихъ вѣковъ и въ настоящее время, соч. Бальби. Парижъ, 1830).— Венеціанецъ Марино Санудо, въ 1485 году, сдѣлалъ спашисшическое обозрѣніе военныхъ силъ 1450 и государственныхъ доходовъ 1453 года, пользуясь Венеціанскими архивами, коихъ спашисшическія показанія просширающся до XIII вѣка. Бальби улучшилъ и распросширилъ резульшашы Санудо и сравнилъ ихъ съ настоящимъ положеніемъ Европейскихъ государствъ, *in statu quo*. Вошъ нѣкошорыя любопытныя пуншы для соображенія. Имперашоръ и всѣ Нѣмецкіе Князья, счишая и вольные города, въ 1453, получали 2,000,000 дукашовъ ежегодныхъ доходовъ; шеперь одни доходы Авшпріи просширающся до 350,000,000 франковъ. Германія вооружала шогда 60,000 человекъ; нынѣ Авшпрія, кромѣ Народнаго Ополченія (*Landwehr*), содержитъ 271,404 солд. Король Испанскій, въ 1410 году, получалъ 3,000,000 дукашовъ, шеперь 108,000,000 франковъ; въ 1453 году, онъ вооружалъ только 30,000 человекъ, нынѣ 50,000. Король Англійскій, въ 1453 году, получалъ 500,000 дукашовъ, шеперь доходы Англии просширающся до 1,527,73,000 франковъ; шогда Англія вооружала 30,000, нынѣ 102,283 человекъ. Король Французскій, въ 1453, получалъ 1,000,000 дукашовъ, шеперь

перь Франція получаетъ 1,000,000,000 и больше франковъ; военныя силы ея тогда ограничивались 30,000, теперь, кромѣ національной гвардіи, состоятъ изъ 231,560 человекъ. Стоило бы труда изслѣдовать, въ шойже ли пропорціи съ 1453 года, богатство и достоинство денегъ возрастало и съ шойже ли быспрошою упала курсъ, съ какой увеличивалось число солдатъ: но Бальби не обратилъ на шо вниманія. Изложивъ спашиспическій очеркъ Венеціанской Республики въ XV столѣтіи, онъ обѣщала еще предспавить *Essai sur la superficie, la population, les revenues et les forces de terre et de mer des principaux états du monde*, относительно XV вѣка, гдѣ показанія Санудо должны бытъ развишы и освѣщены еще болѣе.

VII.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.

Изъ всѣхъ язвъ, опустошавшихъ въ прежныя времена Европу, Черная Смерть, свирѣпствовавшая въ половинѣ XIV вѣка (1348—1350), преимущественно можешъ бытъ сравниваема съ Холерою, и, кажешя, имѣешъ съ ней сходство. Она пришла отшуда же, отшуда и Холера, изъ Индіи и въ шеченіе года прошла по Россіи до Средиземнаго моря, чрезъ кошорое проникла въ Сицілію и Италію; и въ шожь самое время, не удерживаемая ни Альпами, ни Пиринеями, распроспранилась въ Германіи и Испаніи, Франціи и Англии, и ш. д. Народы зашпигнушы были ею въ великомъ волненіи. Въ Германіи два Императора оспоривали другъ у друга

корону; Неаполишанская Королева Иоанна должна была бѣжашь отъ Венгерцевъ; первые государственные мужи и лучшія особы Италіи предавались вольномыслию, подобно Пешраркѣ и Маніавелли, написавшему своего Государя (il Principe) не для Государей, а для изгнанія ихъ изъ Италіи; Римъ увлекался вихремъ новаго міродержавнаго духа; въ Испаніи Королевская власть выбивалась усиленно изъ подъ ига народнаго преобладанія; Нидерланды были раздираемы мяшежами и крамолами; между шѣмъ какъ Французы и Англичане, послѣ вровой пошѣхи при Крени, имѣли миръ между собой, но не внушри себя. Черная Смерть опягощала свою губительную руку надъ людьми, кои были часпію измождены отъ дурной и скудной пищи, часпію изнурены спрасшиями, часпію зашочены большими массаами въ городахъ шѣсныхъ, грязныхъ, спершыхъ высокими стѣнами. Впрочемъ не лзя вѣришь, по крайней мѣрѣ, вліянію кометы на ея дѣйствія: ибо лѣшописцы совершенно молчашъ о томъ; что конечно было бы не возможно, еслибъ въ то время комета была примѣшна невооруженному глазу.

Черная Смерть шла быстро и не удерживалась ни горами, ни лѣсами, ни запершыми городами (а) и лагерями: она слѣдовала, по видимому, печенію воды вверхъ и внизъ, или спремленію воздуха и вѣшрамъ, кошорые его гоняшъ. Нападенія ея обнаруживались раньше и губительнѣе шамъ, гдѣ больше и шѣсиѣ было народонаселеніе. Въ Спрас-

(а) Города были уже знакомы тогда съ мѣрами пропивъ лзы.

бургѣ, куда бѣжало множество изъ окрестныхъ деревень, погублено ею 16,000 человекъ; въ соразмѣрно многолюднѣйшихъ городахъ Швейцаріи дѣйствовала она подобнымъ образомъ, и шамъ, гдѣ было болѣе шѣсношы, въ столичныхъ городахъ и ихъ больницахъ, надало болѣе прочихъ. Юмъ полагаетъ число умершихъ въ Лондонѣ до 50,000: и это заставляетъ сомнѣваться, чтобы въ Парижѣ ежедневно умирало по 500 человекъ; ибо въ немъ гораздо позже считалось не больше 100,000 жителей. Чѣмъ дѣвѣщѣ были торговые и мануфактурные города, тѣмъ сильнѣе дѣйствовала въ нихъ язва, какъ-то: въ Аугсбургѣ, Любекѣ, Данцигѣ. Всѣ лѣтописцы единогласно утверждаютъ, что смертность ихъ была ужасна и что въ иныхъ осталась только прѣшья часть народонаселенія. Это могло конечно случиться въ нѣкошорыхъ городахъ; но вообще, нажешся, противорѣчишь другимъ даннымъ и факшамъ доказаннымъ. Еслибъ вымерло вдругъ двѣ прѣши народонаселенія, то многія фамиліи и роды должныбъ были истребись. Но этого не было: ибо послѣ язвы, какъ и прежде, являющя шѣже самыя лица на прѣшлахъ и въ полишическихъ дѣлахъ: едва находимъ мы двухъ ученыхъ, похищенныхъ Черной Смертью; фамиліи, неиспребленные распушвами, вѣкомъ раньше, послѣ Крестоныхъ Походовъ, снова процвѣшаютъ. Надлежалобъ ожидать осшановки въ дѣлахъ и шорговлѣ; но все идетъ своимъ порядкомъ и даже быстрѣе, чѣмъ прежде: по крайней мѣрѣ государшвенныя и придворныя собранія, сеймы Княжескіе и народныя, бившы и войны должныбъ были прервашься; но напрошивъ Пала едва могъ добиться перемирія между Англій-

ею и Францією; Нѣмецкіе Князья собирались на Имперскій сеймъ и многіе опшуда въ резиденцію Имперашорскаго Двора; раздоры и война кипѣли отъ Майна до Швейцаріи. Черная Смерть поражала большею частію людей, изнуренныхъ забошами и голодомъ: лѣшописцы говоряшъ положишельно и ясно, что умирали преимущесшвенно люди бѣдные и очень не много богатыхъ (а). Опсюда извѣняешся: почему высшее сословіе не прерывало своихъ заняшій и сообщеній, но продолжало ихъ, какъ во время обыкновенной заразы, и не шолько не унывало, но жило еще веселѣе и разгульнѣе. Дворяне и граждане защищали свои дѣла сами и съ помощію рашниковъ, получавшихъ хорошее содержаніе; слѣдовашельно не было недоспашна и въ людствѣ. Наконецъ еслибы Черная Смерть похитила двѣ шреши народонаселенія, шо весьма трудно бѣ было новой язвѣ, свирѣпствовавшей въ 1357 году, найши себѣ пищу. Если взвѣсишь всѣ сіи обстоятельсшва, шо окажешся, что она была не губительнѣе Холеры, изнлючая развѣ Сицилію, въ коей умерло въ шо время 530,000 человекъ. Ея жершвы въ нѣкошорыхъ городахъ означены опредѣленными числами, кои уравниваюшся съ Холерными, особенно если взять въ соображеніе, что шогда городскіе лазарешы сосшавляли единешвенныя врачешныя пособія и что со всѣхъ шпороишъ богатые искали отъ нихъ, а бѣдные находили въ нихъ, помощь и исцѣленіе.

Черная Смерть, по многимъ показаніямъ, про-

(a) *Emori di tre persone le due, fuorchè tiranni e grandi signori non morì nessuno. Scr. Rer. Ital. XI. p. 901.*

должалась въ одномъ мѣсцѣ не долѣе семи мѣсяцевъ; а по нѣкошорымъ, до четвертаго года. И шо и другое можно, кажешся, согласишь шѣмъ, что язва оставалась шочно долѣе, но, по исшеченіи первыхъ семи мѣсяцевъ, обыкновенная мѣра смершности болѣе не возвышалась. Да и въ эшо время она мѣняла свой образъ. Ея первыя жершвы поражаемы были сначала слабосшью и головокруженіемъ, пошомъ приходили въ ужаснѣйшій ознобъ и пошъ, наконецъ подвергались кровавому поносу и немедленно умирали: позднѣйшія, въ нонхъ она, можешъ бышь, встрѣчала болѣе сопрошвленія, или на кошорыя дѣйшвовала прилипчивымъ чумнымъ веществвомъ—(соединенія съ-ноимъ образование Хо-леры въ Египтѣ должно шеперь предшавишь доказашельсшво)—позднѣйшія поражались горячкю и нарывами, особенно въ мягчайшихъ частяхъ; и для нихъ не всякая помощь была бесполезна, какъ доказывали многіе примѣры.

Мнѣніе, что зараза сія сообщалась не шольно посредствомъ больныхъ, но и посредствомъ печеній воздуха, доказываешся ея мѣсшнымъ распросшраненіемъ. Сообщавшіеся съ больными заражались часто, но не всегда; и между шѣмъ занемогало много шакихъ, кои берегли себя наиспрожайшимъ образомъ. Канія мѣры предосторожности и средства лѣченія были шогда уношребляемы, здѣсь не мѣсто изслѣдовашъ. Гвидо Навліано, лейб-медикъ Авиньонскаго Папы Клименша IV (а), оставившій самое первое и самое достовѣрное извѣстіе о

(а) Папа для предохраненія себя отъ язвы держалъ близъ себя разложенный огонь и не допускалъ никого къ себѣ,

Черной Смерти, не знаешь никакихъ средствъ прошивъ ей, но описываешь ходъ ея слѣдующимъ образомъ: »Въ Авиньонѣ язва свирѣпствовала семь мѣсяцевъ. Она была двоякаго рода. Одна, господствовавшая въ первые два мѣсяца, начиналась горячей и кровавымъ поносомъ: ничто изъ пораженныхъ шанимъ образомъ не оставался въ живыхъ, но всѣ умирали въ печеніи двухъ дней. Другой родъ язвы, слѣдовавшей за первымъ, обнаруживался посюсторонной лихорадкой, кровавыми вередками и болячками, особенно въ пахахъ и подъ мышками: пораженные имъ умирали въ пять дней.« Подобно другимъ врачамъ, Гвидо принималъ спрожайшія мѣры предосторожности, но не уберегся ошъ язвы и обязанъ былъ спасеніемъ природѣ, которая излѣчила его нарывомъ. Флорентинецъ Машео Виллани, пошерявшій брата ошъ заразы, рассказываетъ также, что она умерщвляла пораженныхъ въ два или въ три дня кровавымъ поносомъ; случалось, говорилъ онъ, что шѣ, которые ходили за пораженными, сами немедленно заражались и умирали подобнымъ образомъ; у большей части появлялись нарывы въ пахахъ, у многихъ подъ мышкой правой или лѣвой руки, у другихъ въ другихъ мѣстахъ, шанъ что почти у всѣхъ поназывался какою-нибудь особенный нарывъ на зараженномъ шѣлѣ.

Впрочемъ, что и какъ было при Черной Смерти, можно узнать наилучшимъ образомъ изъ прекрасныхъ словъ Макиавелли. Но мы здѣсь слушаемъ ошъ новѣйшаго Французскаго Историка Сисмонди, чего не было при ней и какъ не должно писать исторіи. Онъ молчитъ о современныхъ физическихъ явленіяхъ и восклицаетъ: »Мертвое молча-

ніе, неподвижное оцѣпененіе обуздало сильныя изверженія всѣхъ спраспей и оставило пусшой промежутокъ въ исторіи. (Выше было доказано противное.) Эшо было дѣйствіе ужасной язвы, кошорая, перенесшись съ Востока въ Европу, опустошала въ ней спрану за спраной, погашала голосъ вражды, удерживала руку месши и приводила въ смяшеніе всѣ замыслы честолюбія предъ лицемъ смерши. Сей ужасный бичъ, поразившій всю Европу въ срединѣ чешырнадашаго шолдшія, извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Флореншинскаго мора; ибо имъ постигнушъ былъ сей цвѣшущій вольный городъ, заключавшій въ себѣ множештво ученыхъ, орашоровъ, поэшовъ. Они всѣ содѣйшвовали успѣхамъ челошчеснаго духа, и пошому драгоцѣнны для нашего воспоминанія; избъ нихъ одни были свидѣшелями, а другіе жершвами эшаго ужаснаго бѣдешвія, коего изображение сохранили въ своихъ писаніяхъ, собирающихъ данъ соболѣзнованія въ ихъ спраданіяхъ ошъ насъ и ошъ ихъ согражданъ, по сю пору, по спшеченіи пшши вѣковъ. Хошя язва во Флоренціи погубила шолько шысячи, а во Франціи милліоны жершвъ: но сіи послѣдніа пали, не заслуживъ воспоминанія исторіи, не возбудивъ сожалѣннй пошомшва. Между ними не было ни одного знаменнаго имени; ошъ нихъ нечего было ждашъ для рода челошчеснаго, никакаго напряженія для полезной цѣли, никакаго успѣха. (Мошешъ ли бышъ что спраннѣе, безчувствениѣе и даже богаче прошиворѣчіями? Спраданія Европы изчезающъ предъ спраданіями Флоренціи: разукрашенное гореванье о двухъ ученыхъ сопровождаешся холоднымъ презрѣніемъ къ массамъ гибнущаго народа, коего весь шяж-

ній жизненный шрудъ признаешся за ничто—и эшо изъ доброхошства въ образованности и успѣхамъ духа человѣческаго!). Между шѣми, кои въ немногіе дни падали подъ губительнымъ бичемъ испребленія, большая часть жила въ страхѣ, въ нищестѣ, въ униженіи: (здѣсь слѣдуешъ любимое мнѣніе Испорика, кошорое можно доказать шольно, какъ исключеніе, а не какъ правило): они были подчинены господамъ самымъ жестокосердымъ, кошорые едва опличали ихъ отъ воловъ, вмѣстѣ съ ними работающихъ; нѣкошорые изъ сихъ господъ были шанже поражены язвою: ихъ имена сдѣлались достояніемъ испорика, но не по чему другому, какъ по злу, кошорое было ими сдѣлано. Преждевременная смерть нѣкошорыхъ жершвъ язвы во Флоренціи ошановила, можешъ бышь, на нѣсколько времени успѣхи, кошорые родъ человѣческой мортъ сдѣлашь въ изученіи изящнаго, въ нравшвенности и просвѣщеніи: смерть чешырехъ или пяши миллионѡвъ Французѡвъ, кошорые умерли въ шоме время, уменьшила шольно число угнешенныхъ, кошорые были злополучны, и угнешашедей, кошорые дѣлали злополучными. Современные писашели «— про должашъ Сизмонди —»сами, кажешся, чувшвовали маловажность жизни, кошорую уничтожалъ бичъ сей. Фруассаръ, шшоль обширный въ подробностяхъ, упоминаешъ о язвѣ въ одной шолько фразѣ: «ибо въ шо время ходила болѣзнь, называемая эпидеміею, отъ кошорой погибла шрешья часть народонаселенія.» Монахъ С. Діонисія, продолжавшій Лѣпопись Панжи, ешь почти единственный Французъ, кошорый даешъ разумшъ, что пошерѣбла Франція въ эшу годину бѣдшвилъ. «Въ семъ 1348 году и въ слѣдующемъ за нимъ»—

говорить онъ — »въ Парижѣ, въ Королевствѣ и во всемъ мѣрѣ существовала такая смертность, между мужчинами и женщинами, и между молодыми людьми болѣе, чѣмъ между старыми, такъ что едва успѣвали погребать умершихъ. Болѣзнь ихъ продолжалась рѣдко болѣе двухъ или трехъ дней; но большею частію умирали они внезапно«— (этого нѣтъ въ лѣтописи, а просто: *et quasi sani moriebantur*)—»между тѣмъ какъ ихъ считали здоровыми. Кто былъ сегодня здоровъ, того по утру несли въ могилу; варывъ показывался внезапно подъ мышками или въ пахахъ; и его появление было вѣрнымъ признакомъ смерти. Болѣзнь, казалось, происходила ошъ воображенія и ошъ заразы«—(въ подлинникѣ: *veniebat praedicta mors ex imaginatione vel societate ad invicem et contagione*, смерть происходила ошъ заразы, производимой внутреннимъ предрасположеніемъ или вѣшнимъ сообщеніемъ съ больными)—»ибо, когда здоровый посѣщалъ больного, рѣдко избѣгалъ опасности. Во многихъ городахъ и деревняхъ священники удалялись, чтобы не быть при умирающихъ; во многихъ мѣстахъ, изъ двадцати человекъ, двухъ не осталось живыхъ. Въ Парижѣ, въ Ошель-де-Дьё, смертность была такая, что, долгое время, относили на кладбище Избѣнныхъ Младенцевъ ежедневно по пяти сотъ умершихъ. Язва перешла въ Провансъ—(изъ Генуи по берегу, такъ какъ и въ Швейцарію вверхъ по теченію рѣкъ) — съ 1347 года и ошпуда распространилась по Лангедоку. Вообще она продолжалась до осьми мѣсяцевъ въ каждой области, кошорую посѣщала. Зараза переходила какъ будто правильными шагами изъ провинціи въ провинцію, и, въ Августѣ 1348, достигла до Парижа

и Руана. Въ продолженіе 1347 года, она свирѣпствовала съ особенною силою по берегамъ Франціи и Германіи. Великое множество знаменитыхъ особъ умерло въ это время: не многіе Историки осмѣливались говорить, что это было отъ чумы. «(Они не могли говорить того, чего не было; и при томъ они знали, что свирѣпствующая язва была не чума; ее даже называли эпидеміею.)» Это было бы пресступленіемъ прошивъ должнаго благоговѣнія, еслибы обнаружилъ подозрѣніе, что бичъ, распространявшій опустошеніе въ Королевствѣ, посягалъ и на Королевскую кровь. «(Какъ смѣшно! Лѣтописцы рассказываютъ намъ событія, а не подозрѣнія свои; и при томъ, конечно столь же мало, какъ и мы, предполагали, чтобы кто либо когда вибудь могъ счестъ неприличнымъ упоминovenіе о смерти державныхъ особъ отъ чумы; гдѣ шолько случается, они вездѣ о томъ упоминають.)» Между шѣмъ мы видѣли, что Бланка, сестра (Короля) Филиппа Валуа и супруга (Императора) Карла IV, умерла именно въ это время — (шолько не отъ Черной Смерши; ибо смерть ея была въ 1348 году до появленія заразы въ Германіи). «Равнымъ образомъ Филиппъ потерялъ, въ Сентябрѣ 1349, свою супругу»: (когда она была уже въ шѣхъ лѣтахъ, въ кои большая часть женщинъ обыкновенно умирають; да и онъ самъ, будучи пятидесяти лѣтъ, умеръ въ слѣдующемъ году, но не отъ заразы, а отъ истощенія): «шакъ что всего наберешся до пяти подобныхъ случаевъ.»

Но оставимъ покоишься мертвыхъ и Историковъ печальнаго образа, дабы посовѣшовашься съ Бокаціо, кошорому это дѣло было извѣстно гораздо лучше. Онъ заставляеть одно исполненное жи-

зми общество бѣжашь отъ Черной Смерши въ прелеснную деревню и проводишь шамъ время весьма пріятно, занимаюсь прекрасными испоріями, кои сосшавляюшъ его *Декамеронъ*. По его мнѣнію, пишь и гуляшь въ сердечномъ удовольствіи, веселишься, пѣшь, шупишь, давашь полную, сколько возможно, свободу своимъ склонностямъ, и надъ всѣмъ, чшобъ ни случилось, смѣяшься и издѣвашься, значишь упошребляшь самыя лучшія средства противъ шоль ужаснаго бѣдствія.

Холера пришла къ намъ изъ Индіи, шочно шакже какъ Черная Смершь. Она превратилась шамъ, въ 1817 году, изъ обыкновенной излѣчимой, какъ и у насъ, болѣзни, въ неизлѣчнную язву. Около ашого времени происходили шамъ ешесшвенныя явленія, кошорыя, шочно шакже какъ при Черной Смерши, повшорялись и у насъ въ Европѣ. За землешрясеніемъ слѣдовали провалы и нахонецъ образованіе новой огнедышущей горы среди моря; бури чередовались съ наводненіями; сѣверныя сіянія горѣли съ необыкновенною ярностію: шо безведріе, шо засуха производили неурожай, слѣдствіями коего были голодъ и моръ. Холера идешъ шочно шакже, какъ и Черная Смершь: она упошрестила около семи мѣсяцевъ, чшобъ дойти отъ Варшавы въ Берлинъ, и одинъ мѣсяць, чшобъ опшолѣ достигнуть до Эльбы. Она умерщвляешъ шакже скоро, какъ Черная Смершь, и жервые дни ея рѣшительны; но сила ея шочно шакже ослабѣваешъ, чѣмъ болѣе остаешься она въ одномъ мѣстѣ. Холера обнаруживаешь, подобно Черной Смерши, преимущественно поносомъ; ни какое средство не дѣйствуешъ безусловно противъ ней, шочно шакже какъ и противъ Черной

Смерши. Она являешся въ различныхъ видахъ, и та шакже: шольно при Холерѣ не бываешъ, какъ при шой, нарывовъ; и она долбе ошпаешся въ одномъ мѣстѣ.

Народное чувство угадало и шеперь, какъ шогда, проводниковъ язвы въ рѣкахъ; шочно шакже, какъ шогда Жидаы, нынѣ врачи обвиняюшся за зло, въ коемъ нисколько не виновашы. Въ доказа-шельшвахъ взводимаго на нихъ обвинения, нынѣ, какъ и шогда, нѣшв недосшашна. Только Англича-намъ можно дѣйшвишельно посшавишь въ вину, чшо они, имѣя время и средсшва наблюшти и из-слѣдовашь болѣзнь сию основашельно, испышашь всѣ способы лѣченія и ошпырьшь самыя рѣши-шельныя, ничего не сдѣлали, кромѣ шого, чшо два или шри врача въ Индіи сами по себѣ сдѣлашь пошрудились.

(М. В.)

VIII.

Н О В О С Т И

Н А У К Ъ И И С К У С С Т В Ъ.

— РОЗЫСКАНІЯ О СЛАВЯНСКОМЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ МАЦѢВСКАГО.—Въ Европѣ безпрешанно обнаруживаешся желаніе болѣе и болѣе получишь свѣденіе о Государшвенномъ посшановленіи и законодашель-сшвѣ Славянскихъ народовъ, ношорые своими нрава-ми, обычаями и образованіемъ шольно ошличаюшся ошъ народовъ Лашинскаго и Нѣмецнаго племени. Но до сихъ поръ не было еще удолешворитель-наго сочиненія обв эшомъ предмѣш, особенно по-шому, чшо мало шуземныхъ писашелей занимались

сею отраслю науки, а иносранные недоспашочно знакомы съ языкомъ и духомъ Славянскій народности, и пошому наконецъ, что новой исторической методъ, столько усовершенствованный, потребуешъ новой обработки. Даже послѣ изслѣдованій Карамзина, Эверса и другихъ, ашощь предметъ не истощился; ибо они оставались въ предѣлахъ очень шѣсныхъ, слегка касались только внутренней связи и оставили много пропусковъ. Самой ошущительной недоспашокъ ихъ состоялъ въ томъ, что сіи писатели не обращали вниманія на весь Славянскій міръ въ совокупности, между шѣмъ какъ еще Монтескье замѣшилъ, сколько права разныхъ народовъ объясняются одно другимъ, и какая должна бышь связь и гармонія въ законодательствахъ народовъ одного и того же племени.— Пришомъ сіи писатели не знали Славянскихъ нарѣчій—упрекъ, который падаетъ и на сочиненія ученѣйшаго кришника въ Русской Исторіи, Шлецера. А что всего болѣе—ишо съ машеринскимъ молокомъ не всосалъ языка какого либо народа, шому трудно выразумѣшь смыслъ безконечно-многихъ выраженій въ Славянскихъ языкахъ. Такимъ образомъ ни одно Славянское законодательство не изслѣдовано удовлетворительно.

Г. Мацеёвскій предпринялъ важное дѣло какъ для Славянскихъ народовъ, такъ и для всей Европы, намѣреваясь предсшавить весь великій Славянскій міръ въ ошношеніи къ его политическому и юридическому образованію.

Онъ дѣлитель законодательство Славянъ на двѣ большія половины, изъ коихъ первая просширается до XVII и XVIII шолшійя, а вторая обнимаетъ настоящее, и будущее время. Вниманіе авшора

успремлемо на исшорико-философическія приуговленія и образованію насшоящаго и будущаго-времени, на изслѣдованія опроисхожденіи Славянскихъ законодашельствъ и ихъ развитіи, на указа-ніе, что содѣйствовало усилению однихъ и гибели другихъ, и какъ наконецъ сіи великія произше-ствія были необходимымъ слѣдствіемъ хоро-шихъ и дурныхъ учрежденій, хорошаго и дурнаго упошребленія.

Въ этомъ сочиненіи прежде всего представля-ются два существенныя различія : одни Славяне, преимущественно Поляки и Чехи (Богемцы), при-нимають Каноническое вѣроисповѣданіе ; другіе, между коими первое мѣсто принадлежишь Рус-скимъ, и со временемъ, можеть бышь, приобрѣтушь важность—Сербы, подчиняюшся Греческой церкви. Славяно - Каноническія законодашельства полу-чили значительное вліяніе отъ Каноническаго права и Папской власти: Славяне Греческіе со-хранили болѣе свою самобытность, ибо Государи были вмѣстѣ и главами Церкви.

Первая половина подраздѣляется еще на двѣ ча-сти, изъ коихъ одна оканчивается въ XIII и XIV столѣтіи, когда почти всѣ Славянскія племена, или по крайней мѣрѣ извѣстнѣйшія, какъ-то Чехи, Поляки, Словаки (въ Венгріи), Сербы записали свои обычаи, по которымъ жили не только они, но и подчиненныя имъ племена, какъ-то : Помо-ряне, Сербы и Венды, Лаузичане, Краинцы, Бол-гаре, Далмашы и другіе еще меньшіе, жившіе по шу сторону Карпатскихъ горъ. Вторая часть окан-чивается XVII и XVIII столѣтіемъ, когда многія Славянскія племена отмечались, другія неперелк-

свою независимость, преняи приняли къ себѣ иноплеменниковъ.

Сочиненіе это написано на Польскомъ языкѣ, и печашаніе его началось. Оно будетъ состоять изъ 4 частей и содержитъ Исторію законодательствъ, государственнаго, гражданскаго и уголовного права, равно и судопроизводства. Авторъ пользовался древними докуменшами и лѣтописями большею частью не напечатанными, также идеями и видами новѣйшихъ писателей. Онъ обратилъ вниманіе на чуждыя законодательства, Римское, Германское, Греческое, также и на Каноническое право. Онъ представилъ ихъ вліяніе на Славянскій міръ и указалъ, что изъ древнихъ коренныхъ Славянскихъ постановленій можетъ быть употреблено съ пользою для нынѣшняго законодательства. Наконецъ изъ его изслѣдованія обнаруживается, что многія учрежденія, коими славится нынѣшняя Европа, давно уже были извѣстны Славянамъ. (а)

(а) Сія спашья сообщена Издашелю при слѣдующемъ письмѣ: „Сообщая вамъ сіе любопытное извѣстіе изъ Варшавской газеты (2 Декаб. по н. с. 1831), прибавлю, что Г. Мацеёвской, ученикъ знаменитаго Сэвиньи, уже извѣстенъ между учеными своею Исторіею Римскаго Права. Надъ новымъ своимъ сочиненіемъ онъ прудился, говоряшь, около десяти лѣтъ. Изъ источниковъ его мнѣ называли любопытный успавъ Сербскаго Царя Душана, 1349 года, доставленный къ нему извѣстнымъ Шафарикомъ. Для вашихъ читашелей также пріятно будетъ узнать, что по этой части извѣстный нашъ ученый Баронъ Розенкампфъ разпространилъ свои изслѣдованія о Коричей Книгѣ и обнялъ все наше древнее законода-

— вліяніе революціи на современныхъ поэтовъ Франціи. — Поэщическое вдохновеніе Французовъ давно уже соспоишь въ оффиціальной службѣ полищии. Лучшія произведенія ихъ Музъ суть не болѣе, какъ обрѣмованныя журнальныя выходы. Само собою разумѣется, что эшо не можешь имѣшь благопріятнаго вліянія на эстетическое ихъ достоинство. Особенно послѣдняя Революція удивителью какъ не посчасливилась для своихъ поэшовъ. Сколько разъ ни принимались они воспѣвать ее, всегда поражало ихъ какое-шо поэщическое ошверженіе. Эшо и не удивителью: ничшо шанъ не прощивоположно поэзіи, какъ послѣдняя Революція и духъ ея. Новѣйшая поэзія, говорящая душѣ и сердцу, почерпаетъ свои вдохновенія въ религіозныхъ помыслахъ, въ преданіяхъ и воспоминаніяхъ ошечешвенной исторіи. Нынѣшняя Революція ознаменовала себя оскверненіемъ и поруганіемъ храмовъ, ниспроверженіемъ крещовъ, явнымъ уклоненіемъ

шельство. Должно надѣяться, что первая часть его важныхъ трудовъ скоро явится въ ученюмъ мірѣ. Я видѣлъ также около 400 страницъ сочиненія о древнемъ Новгородскомъ Посановленіи, кошорое началъ было печашать Эверсъ въ Дерпшѣ подъ своимъ надзоромъ, и кошорое вѣроятю скоро будетъ кончено. Вошь сколько пріятныхъ надеждъ для нашихъ Юрищовъ и Ищориковъ. Присоединишь къ эшому обѣщаніе Комиссіи Соспавленія Законовъ издашь намъ всѣ древнѣйшіе памятники нашего Права и любопытныя находки нашего пушешествующаго Археолога Г. Строева. Вошь когда шолько можно будетъ пріянься за обрабощаніе эшой важной, существенной части Ищоріи, кошорая шолькоже необходима для науки, сколько и для Правительсшва. М. Погодинъ.“

къ грубому, живошному машеріализму: она продолжашь ошличашься неуваженіемъ къ величественнымъ памяшникамъ Французской сшарины, опренаешься съ хладнокровнымъ презрѣніемъ ошб древней своей славы и начинаешь свои лѣтописки съ благословенной эры 1789 года. Спрашивается, ошшудашь почернашь предметы для вдохновенія? *Казимиръ Делавинь*, обрешійся, кажешься, бышъ Тиршеемъ героемъ 1830 года, виспадая постепенно ошб *Парижанки (Parisienne)* къ *Одной Недѣлѣ Парижа (Une Semaine de Paris)*, ошб *Одной Недѣли Парижа* до *Варшавянки (Varsovienne)*, ошб *Варшавянки* до *Dies Irae Аббата Шателя*, наконецъ вошелъ въ сосшязаніе съ уличными пѣсенниками, чтобы въ знаменишую *Годовщину Іюльскихъ Дней* воспѣвашь славу знаменишой собаки *Медора*. Извѣсно, что эшо бѣдное живошное, привязанное, подобно театральнѣй денораци, къ Луврской могилѣ, для оплакиванія своего господина, и безъ сомнѣнія умершее ошб нечали, если шолько не сорвалось съ своей привязи, обладало способношцію возбуждашъ народную горячку. И шанъ *Казимиръ Делавинь* рѣшилъ славить *Медора*, рѣшилъ бороться съ Бардами, коихъ сшихи продающься за одно су на перекресткахъ, съ дозволенія Префекта Полиціи. Но, должно признашьяся, что почтенный Академикъ едвали одержалъ побѣду въ эшомъ поэшическомъ сосшязаніи: ршемы конечно богаче у него, чѣмъ у соперниковъ; но его заунывному пѣснопѣнію недосшашь шого очарованія, шой искренности, шого... чего-шо... что служило основаніемъ коллосальному успѣху *Жеводана* и *Папавуэна*. Пансеронъ положилъ эшу плачевную элегію на музыку, кошорая напечащана на прекрасной

бумагъ!... И Викторъ Гюго также!... Эпошъ и вѣщъ, нѣкогда споль вѣрный святымъ преданіямъ старины, Хрисціанству и Пресмолу!... Ему за-назали сдѣлашь сшишки, чшобы проишь имѣ-стѣ съ *Марселлякою*, на нѣкоторомъ родѣ язы-ческой апошеозы, подѣ сводами церкви, лишен-ной алшаря и вресша... и онѣ сдѣлалѣ! Творецѣ прекрасной *оды на рожденіе Герцога Бордоскаго* присоединилсѣ нѣ шѣмъ, кои издающѣ грязью въ колыбель царшвеннаго ошрока, поносяшѣ низ-кими клеветами его изгнанную мать, и — не на-шелѣ въ своей поэшической душѣ ни одной искры вдохновенія, чшобѣ защишишь ее! Поэшъ, сѣ лиры коего срывались споль благородные звуки въ честь *Мучениковѣ Вандеи*, приобщаетсѣ нѣ оргіямъ людей, покрывающихѣ лазущпками эшу самую Вандею, сшрану героизма и вѣриосши, и ошнима-ющихѣ у старыхѣ воиновѣ Корфу и Лавала, ихѣ почетное оружіе, награду ихѣ мужесшва и праводу-шія! Тощѣ самый голосѣ, кошорый нѣкогда разли-вался въ болѣзненныхѣ вопляхѣ о *Дѣвахѣ Вердюнъ-скихѣ*, о *Людовикѣ XVII*, обѣ *Отцѣ Генриха Бо-годаннаго*, кошорый превозносилѣ *Трофеи Наварина*, *Коронованіе Карла X*, всѣ воспоминанія, всѣ слав-ныя дѣла *Возстановленія*, принимаетѣ шеперь тошѣ и звуки *Героевѣ Баррикадѣ Іюльскихѣ*!... Не ужели эшо *Возстановленіе* было прилично для воспѣванья шолько во время своего блесна? Не ужели имена сіи не говоряшѣ ничего сѣ шѣхѣ шорѣ, какѣ Тюллерійская пышносшь перешала окру-жашѣ ихѣ? Не ужели несчасшіе царей менѣ ве-личесшвенно, чѣмѣ ихѣ сила? Делилѣ, кошораго корифей современнаго романшзма имѣешѣ пол-ное право не уважашѣ, какѣ поэша, по кошорый,

Телеск. Ч. VI.

10

въ другихъ отношеніяхъ, заслуживаешь подражаніе, Делиль отказался воспѣвать Имперію: и однако Имперія сполна конечно Іюльской Революціи. Делиль, предъ лицомъ Наполеона, оплакивалъ своихъ изгнанныхъ владыкъ и благошворителей. Омъ *Виктора Гюго* не шребуется подобнаго самоошверженія; но, для собшвенной его чести, можнобъ было положитьсья, по крайней мѣрѣ, на его молчаніе. Впрочемъ, Революція не должна бышь довольна своимъ новымъ пошомъ; онъ худо услужилъ ей. Министерскіе журналы наградили его оффиціальными похвалами не по заслугамъ. На ашомъ разъ онъ сочинилъ весьма дурные стихи. Ему надобно еще поучисья Революціонной поэзіи, взяшь нѣскольکو уроковъ, хотябъ, на примѣрѣ: у Руже де л' Иль, получившаго пансіонъ и знакъ опличія омъ нынѣшняго Правительшва. Такое уничиженіе поэзіи, производящее соблазнъ въ самой Франціи, заслуживаешь справедливое сожалѣніе и негодованіе! (М.)

— всячіе сады въ ирландіи. — Городъ Лимерикъ, главный въ Графствѣ шогожъ имени, въ Ирландіи, на берегахъ Шаннона, ошличаешья рѣдкостью, едва ли не единшвенною во всей Европѣ. Одинъ частный человекъ, изъ его жителей, по имени Вилліамъ Рочъ, возымѣлъ мысль устроить всячіе сады подлѣ своего дома. Онъ началъ шѣмъ, что велѣлъ поспроить множешво аркъ, коихъ внушрѣнность обращилъ въ магазины. Вышина аркъ, ошносительнo къ поверхности улицы, измѣняешья омъ сорока до двадцати пяти фушовъ. На ашихъ аркахъ поспроены шри шеррассы въ видѣ амфишешра, изъ коихъ самая верхняя украшена оранжерейми: расшенія прикрывшы шедлян-

ными колоколами и согрѣвающимся шрубами, чрезъ кошорыя проводимся шеплоша. Въ нѣкошорыхъ изъ эшихъ оранжерей вырощающся съ успѣхомъ виноградъ, ананасы, персики и пр. Въ другихъ находящся лимоны и другія подобныя расшенія.

Средняя шеррасса назначена для плодовишыхъ деревьевъ и расшеній великорослыхъ; нижняя опредѣлена для цвѣшовъ всякаго рода; въ самомъ низу устроены карре для дынь, огурцовъ и другаго подобнаго овощу. Лѣшница, въ чешыре фуша шириной, ведешъ ошъ одной шеррассы къ другой. Боковыя шеррассы имѣющъ сшо пшадешъ фушовъ въ длину и шридцашъ въ ширину; середняя — сшо восьмешъ въ длину и сорокъ въ ширину; нижняя — двѣшши въ длину и сшо въ ширину; не счишая земли, назначенной для дыни и огурцовъ, кошорая заключаешъ въ себѣ восьмешъ квадрашыхъ фушовъ. Все занимаешъ просшраншво одного Англійскаго акра.

Фасады эшого необыкновеннаго зданія предшавляешъ линію въ двѣшши фушовъ длины. Верхняя шеррасса возвышадешся надъ улицей на семдешъ фушовъ: въ ней ошкрыцаешся прекрасншй видъ на городъ и окрешности, усѣянныя прелешными сельскими доминами, межъ коихъ эшшися Шаннонъ. Слой земли, накладынный на шеррассахъ ошъ пшши до шести фушовъ въ глубину, и магазины, находящіеся внушри аркъ, ограждены ошъ сырости плошно связаннымъ плишникомъ и перпендикулярно устроеными свинцовыми жолобами, чрезъ кошорые спенаешъ издишняя монроша: жолоба эши оканчивающся другими горизоншальными, кошорые сообщающся съ улицными шпоами. Во время засухи, жолоба сія за-

пираются и удерживаемая такимъ образомъ вода, посредствомъ различныхъ трубъ, проведенныхъ по всей поверхности сада, свободно обращается. Вода дождевая, падающая на стекла оранжерей, собирается въ водоемы; усроенные внушри. Ушучненіе шеррасъ производится машинами и припомъ гораздо легче; нежели какъ это дѣлаешся обыкновенно на поверхности земли.

Чудное это зданіе стоило 15,000 фунт. шерл. (375,000 руб.): но Г. Рочъ вознаградилъ ошчаспи свои издержки ошдачею въ наймы магазиновъ, кои пакъ удачно вздумалъ усроить подъ главнымъ сводомъ шеррасъ; правительство плашилъ за нихъ по 300 фун. шерл. (7,500 руб.) ежегодно. Магазины сіи могушъ содержать въ себѣ двѣ тысячи боченъ вина.

Хошя всячіе сады Семпраниды, по сказаніямъ древнихъ, превышаюшъ сады Г. Роча: но они шѣмъ не менѣ осшаюшся въ наши времена доспопримѣчательною рѣдкостію. Сверхъ того, весьма ушѣшительная мысль уравновѣшиваешъ эту суешную и хвасшливую пышность. Сіи споль славные памятники древности были тяжкимъ бременемъ для народа; посреди котораго возвышались: ибо, по большой часпи, созидались его пошомъ и кровью. Между шѣмъ зданія нашихъ временъ; если не имѣюшъ подобнаго величія, то по крайней мѣрѣ имѣюшъ благодѣшельныя слѣдствія: онѣ даюшъ благородное поощреніе искусствамъ, пускаюшъ обшпрные напишалы въ обращеніе и доставляюшъ всѣмъ трудолюбивымъ классамъ прибыльное занятіе. (R. В)